

О том, как спас свою школу от взрыва, а кафедру — от закрытия, о полевых экспедициях и современной геофизике

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1640>

30 сентября 2013

Собеседник

Хмелевской Виктор Казимирович

Ведущий

Самодуров Юрий Вадимович

Дата записи

Беседа записана 30 сентября 2013 и опубликована 3 августа 2015.

Введение

Это единственная наша беседа с одним из легендарных лекторов геологического факультета МГУ, доктором геолого-минералогических наук Виктором Казимировичем Хмелевским. Записать его воспоминания нам посоветовали его ученики и сотрудники Нефтегазового центра МГУ.

Первый этап биографии ученого таков: арест отца, переезд из Краснодарского края в Кабардино-Балкарию и жизнь в Нальчике, где его застала война и немецкая оккупация. Во время одного из обстрелов Виктор был контужен; страшные воспоминания остались и после того, как немецкий кавалерист стрелял в сторону мальчика из пистолета. Когда немцы начали отступать, Хмелевской с друзьями сумел обезвредить взрывчатку, заложенную в здании его школы.

Как и у большинства наших авторов, интерес к науке возник под влиянием школьного учителя, в данном случае – физика. Хмелевской был одним из двух золотых медалистов в Кабардино-Балкарии, а поэтому с легкостью поступил на геологический факультет МГУ.

Деятельность ученого-геолога всегда связана с экспедициями. За свою карьеру Хмелевской участвовал в пятидесяти экспедициях — от Южного берега Крыма до Северного Ледовитого океана. Особенно интересны истории о поездках в Туркмению, где за использование запрещенной радиочастоты на него с коллегами едва не завели уголовное дело, и в Крым, где студенты-геологи помогали рассчитывать строительство Ялтинского водоводного тоннеля.

Завершают беседу размышления Хмелевского о нынешнем состоянии геофизики в России, реформе современной науки в целом и Академии наук — в частности.

Беседа записана в рамках совместной исследовательской программы Фонда «Устная история»

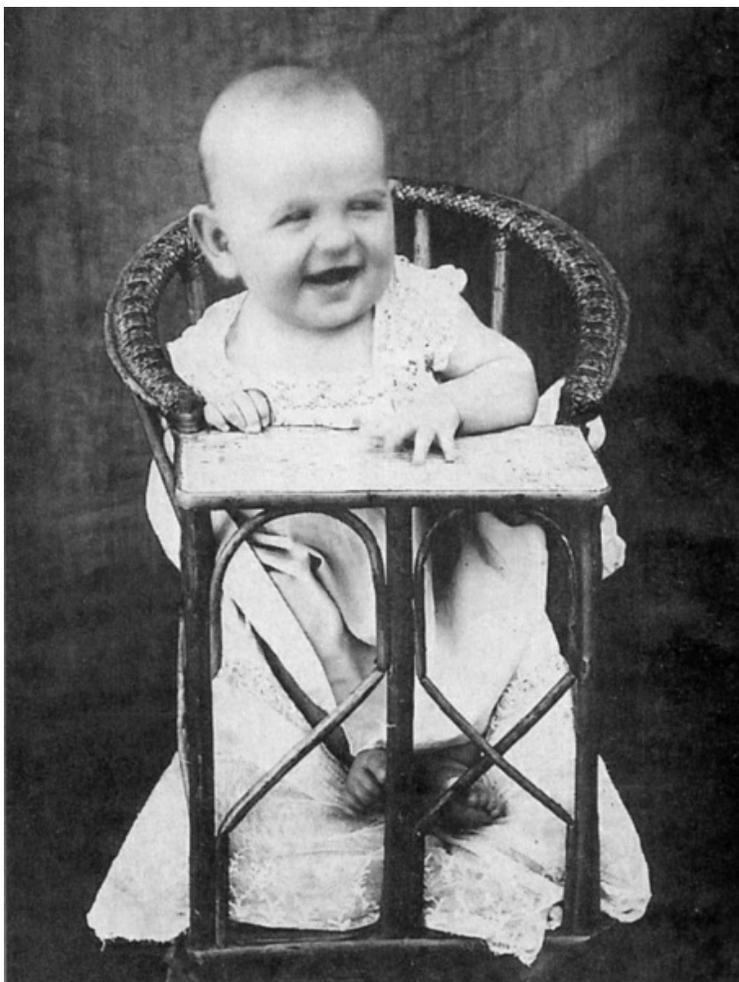
и Нефтегазового центра МГУ.

Юрий Вадимович Самодуров: Как обычно, вначале я прошу рассказать о вашей рабочей, служебной, творческой, жизненной биографии в их переплетении, взаимосвязи. Об организациях и людях, в которых и с кем вам довелось работать. О положительном и негативном опыте жизни. Как менялись, складывались творческие планы, к каким оценкам и итогам пришли. Что считаете своими основными достижениями, результатами. Какие замыслы и идеи стремились, хотели, но не удалось реализовать. Но как всегда, конечно, все начинается с детства. Кто были ваши родители? Что было основным и главным в вашем детстве и юности до поступления в институт?

Виктор Казимирович Хмелевской: Родился я в 1931-м году на Кубани, в Краснодарском крае, в семье учителя. Он был репрессирован сразу же, в 32-м году. И я с мамой жил, мама из крестьянской семьи, она меня воспитывала.

Ю.С.: Братья, сестры?

В.Х.: Никого нет у меня. Единственное, мама после войны вышла замуж, отец усыновил меня, Хмелевской. То есть усыновленный я. Хмелевской. А родная фамилия совсем другая.

В.М. Декало (В.К. Хмелевской). 1932 г.

Ю.С.: Понятно. А дедушки, бабушки?

В.Х.: Дедушки, бабушки — все крестьяне, кубанские казаки так называемые. Казаки и иногородние. Отца репрессировали, поэтому мы уехали на Кавказ, в город Нальчик, Кабардино-Балкария. И там с мамой жили

в горах, прятались.

Ю.С.: На самом деле, это очень существенно и важно...

В.Х.: Мы жили в горах, и до первого класса я был абсолютно диким кабардино-балкарцем... До сих пор помню страхи, до шести лет жил в горах. В первый класс пошел в Нальчике. И все десять лет учился в городе Нальчик Кабардино-Балкарской республики.

Ю.С.: А кто вас там приютил, когда вы убежали?

В.Х.: Сестра мамы.

Ю.С.: Мамина сестра?

В.Х.: Одна сестра мамы, поселок наверху, в горах, а потом она переехала в Нальчик и нас перевезла.

Ю.С.: То есть какое-то село было, аул?

В.Х.: Аул, дикий, страшный, в горах, на каких-то быках...

Ю.С.: Русский? Не русский?

В.Х.: Нет, ни одного русского человека — одна только наша семья. У маминой сестры муж закончил войну, слава богу, был жив. У него были золотые руки, и он строил там дома, вообще был строитель в селе единственный. И прятал нас.

Ю.С.: Да-да. Нет, это очень важно.

В.Х.: Нам посоветовали уехать из Краснодара, поскольку отца репрессировали. Отец был учитель, абсолютно ни в чем не виновный, просто кляузы пошли.

Ю.С.: Понятно. То есть его расстреляли?

В.Х.: Написано в справке, что он умер, но, по слухам, расстреляли.

Ю.С.: Понятно.

В.Х.: Короче, я вот до шести лет был абсолютно диким человечком, вот. Но попал в город Нальчик в школу и десять классов закончил с золотой медалью.

Ю.С.: А переехали... естественно, с мамой или тоже с сестрой... Вдвоем?

В.Х.: С мамой, с сестрой жили втроем.

Ю.С.: Втроем?

В.Х.: Целая семья такая родная была. Попал в оккупацию немецкую, два месяца был. Меня расстреливали немцы, я пережил очень много. Спас свою школу от взрыва: немцы заминировали школу, а я ее спас.

Немецкая оккупация

Ю.С.: А вот если можно...

В.Х.: На эту тему?

Ю.С.: Вспомнить, да. Вы же были мальчишкой совсем?

В.Х.: Ну конечно, двенадцать лет. Одиннадцать даже, да. В октябре 42-го года город Нальчик был оккупирован немецкими... не называю «немецкими», а европейскими войсками. Потому что там весь «интернационал» был.

Ю.С.: То есть румыны?

В.Х.: Румыны, венгры, словаки, чехи, немцев я еле-еле видел. Там пустили на Кавказ всех остальных. Сталинград начался, так что немцы свои силы основные бросили на Сталинград, а тут бросили сателлитов своих.

” Но они зверствовали, по-моему, хуже, чем немцы. Я их так считал в те годы. С тех пор я никогда в Европу не поеду, не ездил, не буду, и терпеть не могу Европу. Из-за того, что я весь «интернационал» видел там, и как они относились к детям и к русским.

Я жил рядом со школой своей, такой у нас домик был, маленький участок, свой огород...

Ю.С.: Свой?

В.Х.: Свой домик был там, маленький. Две комнатки. И забор, и школа. Новая школа, двухэтажная, только перед войной построенная. Мне было очень удобно, я бегал через забор в школу. И вот эта школа тут же была оккупирована немцами. При подходе немцев к городу они бомбили город. Редко, несколько раз. И вот в первую, самую страшную бомбежку... А школа наша была ближайшей к Пятигорску, они были в Пятигорске, немцы. Пятигорск — Нальчик, шестьдесят километров. Вот в самую первую бомбежку... естественно, бомбили поселок, жителей города. И вот наша хибара была просто хибара, да и все. И вот начали бомбить школу. Это было воскресенье, я помню хорошо. Две бомбы упали на наш участок, а я был дома. Мама была в лесу, собирали ягоды, грибы. И вот две бомбы на одном маленьком участке, на расстоянии семьдесят метров. Я был контужен, естественно. Осколки валялись вокруг, но не попали в меня. Я пролежал несколько часов...

Ю.С.: Вы в домике были?

В.Х.: Нет, я лежал тут, была теплая погода более-менее. Где-то я лежал под школьным забором, очень долго лежал, потому что все самолеты улетели, какой-то народ стал где-то ходить. Через пару часов пришла мама — они в горах собирали ягоды, груши, питаться надо было, там же юг, всем можно было прожить. *(Смеется.)* Она пришла, и я, очухавшись, показал бомбу в одном углу и в другом углу. Длинный участок у нас был, тоненький. Первые бомбы немцев попали именно на меня. Это первая мысль.

А потом, через три дня они пришли, вошли в город, и воинские части заходили и жили в этой школе. Причем постепенно менялись: то румынская кавалерийская часть, то венгерские какие-то там, разные... Разные шинели были, разный цвет: желтые, зеленые, синие. Немцы черные — это СС, а там все цвета радуги, чтоб различать друг от друга. Короче, то румынская часть, то венгерская, то словацкая, то еще какая-то, я уже забыл. В общем, пять-шесть национальностей — вся Европа была там. Я всю видел Европу, и поэтому никогда не поеду туда. *(Смеется.)*

Жили бедно. У нас свой огородик был, конечно, маленький такой, длинный-длинный. Приезжает часть, стоят кухни полевые немецкие, или венгерские, или чешские, или немецкие, неважно какие. А это октябрь месяц. Картошка, капуста, что-то такое было. Вот они перескакивают через забор, нарубят что-то такое и быстро в кухню. То есть все было съедено, за два месяца. Причем части менялись: неделю постоят — другие приходят, неделю постоят — другие приходят. Все время менялись. И все в наш двор идут, поскольку первый двор. А дальше — поселок сзади.

Ю.С.: Но вам не помогали?

В.Х.: Чем помогать? Только все тащили, тащили... Полностью все подушки, например, утащили...

Ю.С.: Едой не помогали?

В.Х.: Да ну что вы! Какая там еда! Свое-то мы прятали в подвале, картошечка была, мы жили неплохо,

тем более лес рядом, можно было груши, яблоки дикие... Короче говоря, питались от леса, в огороде что осталось от грабежа. Поскольку наш дом первый, ночные патрули немецкие и венгерские — перескакивали к нам, а потом шли в поселок. Первая дверь была моя.

” Открывали дверь, а там ни замка нет, ничего. Освещают фонариком: «Партизан, партизан!» — и топают дальше. И так каждую ночь, раз тридцать за время пребывания немцев. Двери были открыты, комната была полностью разграблена. Подушки...

Ю.С.: Да.

В.Х.: Большие подушки, перьевые, забрали. А больше брать у нас нечего было: просто постель и все, больше ничего не было.

Ю.С.: Понятно.

В.Х.: Стол, постель и печка дровяная. Дверь открываешь — и прямо в печку упираешься. Слева я жил, а справа — мама. Вот так вот жили. Привыкли ко всем этим вещам. Ну, избивали местных... И вот однажды случился со мной неприятный случай. Мама ушла в лес за кормежкой, и пришел настоящий немец. А до этого стояла румынская часть. Быстренько их убрали куда-то, и народишко быстренько все разграбил. Сено, солома, какие-то консервы были. Быстро разграбили. Через день буквально пришла воинская часть другая, немцы. И вот однажды сию я дома, мамы нет, погода — градусов пять-десять на улице. Сию, и через забор перескакивает на коне немец.

Ю.С.: На коне?

В.Х.: Да, кавалерист, там в основном кавалерийские части. Перескакивает немец, причем на груди у него фашистский знак. Зачем это надо было — не знаю. Пугать чтоб народ. Шикарный, высокий мужчина, перескакивает и лошадью идет на меня. И говорит: «Кто разграбил...» — хорошо по-русски говорит! Наверное, россиянин какой-нибудь в немецкой форме. Короче говоря: «Кто разграбил?» Я говорю: «Все».

Ю.С.: Кто разграбил чего?

В.Х.: Двор. Школьный двор. После румын все разграблено, действительно. Солому, сено...

Ю.С.: Понятно.

В.Х.: Какие-то ящики, знаете, барахло остается от части, ненужное. «Кто разграбил?» Я говорю: «Все». Так показываю рукой: «Все». А дверь открытая. Он наступает конем на меня и кричит: «Кто разграбил школьный двор?!» Я отступаю, открываю дверь, говорю: «Смотрите, у меня ничего нет!» Пустая комната, две кровати и печка. А он продолжает наступать, прямо в комнату меня загоняет, подгоняет. Я начал реветь, кричать и орать: «Все, все, все!» Больше я ничего не мог сказать. Я говорю: «Посмотрите, я ничего не брал!» А мать мне сказала: «Что-нибудь возьмешь — я тебя прибью». (*Смеется.*)

Ю.С.: Понятно.

В.Х.: Потому что так неоднократно уезжали воинские части. Там какая-то ерунда, повторяю: ящики, солома, сено. Что там может быть после кавалерийской части? Короче, он выхватывает пистолет и стреляет в меня. Я упал.

Ю.С.: То есть он попал?

В.Х.: Нет. Я думаю: «Ну, значит, узнаю, что такое смерть». Он повернулся, перескочил забор и ушел в школу. Немец. Тут я уже был совершенно... Потом я нашел пулю гораздо выше головы, он просто разозлился на меня, что я орал.

Ю.С.: То есть, грубо говоря, пугал?

В.Х.: Ну конечно пугал. Во всяком случае, пуля была значительно выше моей головы, потом я нашел дырку... (*Смеется.*) Но я же не знал, я думал, что меня пристрелили. И вот лежу и рассуждаю, что такое смерть. Ну вижу... Смерть — а почему же он уезжает?

Ю.С.: И почему я жив?

В.Х.: И почему я жив? Короче, через несколько часов мать пришла, я ничего не говорил, молчал, лежал, и она меня пытала: «Что случилось?» Я говорю: «Да ничего». Часа через четыре очухался. Короче, дважды контузило: один раз от бомбы, другой раз от этого паразита-немца. (*Смеется.*) Но насколько я обозлился на них, на немцев... Повторяю, они никакого отношения к нам не имели. Везде висели повестки: «Партизанам и евреям зарегистрироваться». Но мы были не партизаны, не евреи...

Ю.С.: Зарегистрироваться?! Партизанам — зарегистрироваться?!

В.Х.: Партизанам и семьи офицеров Российской [Красной] Армии.

Ю.С.: А, семьи офицеров... Семьи, наверное, партизан?

В.Х.: Нет, семьи партизан, офицеров и евреи. Всем зарегистрироваться.

” Полицай ходили, российские мужики, нас палками били, когда мы где-нибудь выползем из дома. Короче, жизнь была довольно интересная.

Ю.С.: Ребят били?

В.Х.: Ребят били, в основном.

Ю.С.: За что?

В.Х.: Ну, полезешь куда-нибудь... Вот двор школьный: кто-то залезет во двор, поймут, отлупят его. А во дворе стоят кони, стоят какие-то ящики, консервы...

Ю.С.: Понятно.

В.Х.: На этом, так сказать, закончилось. Зато я отомстил им. Оккупация была два месяца. Как раз под новый 43-й год они начали отступать. Сталинград уже их зажал, и они вынуждены бросить Кавказ, так сказать... А наши за городом Нальчиком поставили заслон, чтобы не пустить их в Закавказье. И эти два месяца не могли прорваться дальше. Сказали, Нальчик — последние, передовые части. Еще жандармерия только-только вступала. То есть мы были в приграничной зоне. (*Смеется.*) Короче говоря, в ночь на 1 января 1943 года они начали отступать постепенно. А мне все видно, школа перед глазами, шикарная, двухэтажная школа внутри поселка, глинобитного поселка, скверного. Я смотрю: приезжает 31-го машина какая-то, ящики какие-то, и начали в школьный подвал затаскивать ящики. Тащат, тащат, тащат... И натащали. А в дальнем углу школьного двора был сарай. Метров двести. Школьный двор большой, громадный двор. Смотрю: провод провели туда, в сарай. И уехали. А недалеко от нас проходит шоссе Нальчик—Пятигорск и дальше. Там только по дорогам можно проехать: горы везде. Вот по этому шоссе, смотрим, идут назад. Так и решили, бегаем, обсуждаем: «Значит, убегают немцы». Ну, убегают — слава богу. И вот в ночь на 1 января, Новый год, — страшная стрельба в городе! А город — центр города — километра три от нас. Мы на самой окраине жили. Это новые планы назывались, отчиму дали в 40-м году участок, и без него мы построили дом, я строил, все сам делал. Одиннадцатилетний. Короче, значит, стрельба страшная в ночь на 1 января. Ну, думаем, Новый год встречают. Фиг с ними, встречайте. А потом узнали, что в это время расстреливали всех, кто записался, зарегистрировался в полиции, с семьями. Были расстреляны то ли двенадцать, то ли двадцать тысяч...

Я могу вам соврать, но, во всяком случае...

Ю.С.: Тысяч?!

В.Х.: Тысяч. Расстреливали полицейские, забирали по спискам, которые в полиции...

Ю.С.: Наши стреляли?

В.Х.: Немцы, румыны, все стреляли. Конечно, это было с другой стороны города, не знаю, но знаю, что...

Ю.С.: Понятно.

В.Х.: И вот мамина сестра, которая нас спасала...

Ю.С.: Тетя.

В.Х.: Тетя. Она жила в городе. Муж ее потом нас спасал, обычный сержант, а соседи сказали, что он офицер.

Ю.С.: Сержант — в смысле, в армии?

В.Х.: В армии, в это время был в армии. Но соседи, все же люди подлые были, всегда есть, и до сих пор. Кто-то сказал, что она жена офицера. Ее тут же записали. Но она дошлая женщина, она убежала к нам, это три километра, и жила у нас последнее время, когда прошли слухи, что будут собирать всех куда-то там, в какие-то бараки, а потом взяли всех и расстреляли. Это была страшная вещь, потому что абсолютно ни за что ни про что. Там были рвы противотанковые, мы делали еще до войны, вокруг города, громадные противотанковые рвы со стороны города Прохладного. И вот они были полностью заполнены трупами...

Ю.С.: Город-то маленький!

В.Х.: Город маленький, сто пятьдесят тысяч — это сейчас. Тогда было сто тысяч, семьдесят тысяч.

Освобождение Нальчика. Срыв попытки взорвать школу

Ю.С.: Столько людей...

В.Х.: По сути дела, чуть ли не третью, пятую часть расстреляли. Это была подлость такая... Мы быстро все это узнали. Моя тетя пришла ко мне, и она, слава богу, осталась жива. (*Смеется.*)Осталась жива.

Ну вот, прошло 1 января, я смотрю, что школу бросили. А там часовые стояли. А по городу взрывали крупные здания. Несколько дней взрывали, взрывали, постепенно выводя войска, постепенно уходили. Я говорю: «Ребята, давайте выдернем этот провод, вдруг спасем школу». И вот как-то не было часовых, смена была какая-то, пустой двор, этот провод идет. Ну и мы взяли его, вырвали метров двести провода, утащили, выбросили куда-то далеко. Я сказал: «Исчезайте, не высовывайтесь из дома, закрывайте двери!» А я все-таки посматриваю: у них был дозорным, у ребят. Посматриваю. На другой день приезжает воинская часть, несколько человек. И начали чего-то бегать вокруг школы. А уже третий день, последние войска, буквально уходят, чувствуется. А шоссе шикарное было Нальчик — Пятигорск. Гул день и ночь, машины... Наши спускаются с гор на ослах, на коровах, быках. А тут идет вся техника европейская: чешские «Студебеккеры», такие страшные машины. Ну, короче, идет шум, идет, и постепенно кончается, кончается шум. Это метров пятьсот было, не видно, но слышно. Короче говоря, смотрю: немцы подбегают и вокруг здания, а потом хлопнули и уехали. И буквально на другое утро пришли наши разведчики. То есть как раз самым последним поручили взорвать школу. Они побегали, побегали, и то ли не захотели, то ли не смогли, то ли наш провод спас — этого я не знаю. Я ничего не понимал тогда и сейчас не знаю, что я сделал. (*Смеется.*)

Короче, на другое утро смотрю спускается с другой стороны, с гор, типа разведка: человек десять мужчин. Ясно видно, что это российские, потому что немцы все одеты шикарно. Уже зима начиналась. А наши

полуголые, в шинелях обычных. Короче, мы сказали им, что школа заминирована, не подходите. Они поставили «мины», обозначения, и двинулись дальше. Короче говоря, после разведки уже быстро вступили наши войска. И поскольку тут было написано «мины» — эти разведчики написали... какие-то палки, чего-то такое, никто долго не вселялся, дня три школа стояла пустая. Но все-таки зима уже настоящая, январь, холодно. И вот на пятый день пришли саперы, начали разминировать. Действительно, она была заминирована, действительно, школа была спасена, но кем — никому дела нет до этого. *(Смеется.)* Но главное — вселились российские войска, и стало чуть-чуть на душе спокойнее. Ну а дальше война, голод, холод, но это все ничто по сравнению с мучениями. Короче, несмотря на такое дело, я закончил школу с золотой медалью *(смеется)* через пять лет.

Ю.С.: О школе немножко, если можно. Откуда учителя? Сильные, слабые...

В.Х.: Отличные учителя были. Я до сих пор Анну Андреевну, нашу классную, помню. Один факт совершенно убийственный. Так получилось, что мы эти два месяца не учились, естественно, потом сразу начали и закончили за пять месяцев годовой курс, не пропустили ни одного года. Учителя все женщины были, абсолютно все, директриса жила в школе, мы хорошо знали друг друга. Классный руководитель шикарный, Анна Андреевна была, которая нас воспитывала. В школе, в классе моем, — восьмой, девятый, десятый — было всего девять человек. Девочки, мальчики... Короче, нас очень хорошо вели. *(Смеется.)* Не было курса физики — это я помню — после оккупации. И вот однажды... Ой, простите, до оккупации. До оккупации. В сентябре мы начали, сентябрь проучились, в октябре немцы пришли, в ноябре немцы были, а в декабре, в январе мы начали учиться. Школа осталась целая.

Ю.С.: Ну это уже, наверное, какой класс? Пятый...

В.Х.: Нет, это был шестой класс.

Ю.С.: Шестой, да.

В.Х.: Шесть, семь, восемь. Да, четыре года еще учиться.

Ю.С.: Ну да.

В.Х.: Короче говоря, что я хотел сказать... Ну, ладно, тут ничего особенного нет, кроме одного факта страшного. Примерно в начале сентября, когда я был в шестом классе, пришел учитель физики. Мужчина, русский тип, лет пятьдесят, в очках, крупный мужик, начал вести физику. Все у нас женщины были, он один вел физику. Сентябрь, один месяц. И вот он был абсолютный зверь. Он лупил линейкой каждого за неправильное слово. Зато женщины нас жалели и спасали от этого мужика.

Ю.С.: Но как же его не...

В.Х.: Слушайте дальше. Пришли немцы, и он стал бургомистром города Нальчика. То есть его заслали заранее. От него линейки я не раз получал, и многие получали. Не знаешь что-нибудь — он бах тебя линейкой! Какие-то отношения были совершенно не советские. *(Смеется.)* Не советские.

Но школа — единственная моя радость, поскольку, во-первых, она рядом была. Мы каждую субботу-воскресенье работали на колхозных полях, и зимой, и летом, и весной — все пять лет войны. Я был там как один из организаторов, поскольку жил рядом. Директриса прибегает, говорит: «Надо завтра сто человек в колхоз». Ну, я быстро свищу ребятам, распускаю слух, что надо явиться в воскресенье.

” А работали мы железно, шесть-пять дней в неделю, а в субботу, воскресенье, погода если терпимая, нас вывозили в совхозы: собирать что-то, что-то такое делать.

Причем возили далеко. Это уже российские войска: до войны... до оккупации, после оккупации. То есть я был таким неформальным лидером.

Ю.С.: Да, как сейчас говорят.

В.Х.: Я уже большой был: шестой или седьмой класс. И вот я помогал директрисе быть связным на всякие ЧП. Работали очень много, очень далеко возили...

Ю.С.: А директриса была одна и та же и до войны... в смысле, и до оккупации, и после оккупации?

В.Х.: Она все время была одна. У нее даже комнатка была при школе.

Ю.С.: То есть она осталась жива?

В.Х.: Ее немцы выгнали на время, потом немцы ушли, она там же, в той комнатке...

Ю.С.: То есть она осталась жива.

В.Х.: То есть она жила, это единственная квартира такая была, Остапенко некто. Короче, оккупация когда — выгнали ее, потом она опять пришла туда. Мама работала, сразу пошла в рабочие, и до оккупации, и после оккупации, дома никогда не была. Сутками работала. И у меня только школа была, больше я ничего не видел.

Ю.С.: Голодно было?

В.Х.: Я не скажу, что голодно. У нас были на чердаке... весь чердак был засыпан грушами и яблоками, «дичкой». И шишки, но только шишки вы не знаете, что такое. Мягкие такие штуки, которые очень хорошо переносят зиму. Короче, у нас был полный чердак, во-первых. Потом картошечка своя была. Конечно, пайки были какие-то, маленькие. Но мама работала рабочей на мясокомбинате — у нас там шикарный мясокомбинат был, немцы не взорвали его, снабжал прямо фронт. И вот всякие кости иногда приносила. (*Смеется.*) Так что жили мы просто, я считаю, шикарно. И груши, яблоки, все время можно переварить — и достаточно. Картошка была, а тут еще кости какие-то. То есть повезло. Другие жили гораздо хуже: магазины не работали, все на рынке, все продавали вещи, но нам продавать, слава богу, абсолютно нечего было. Конечно, спасала только мама. Мама спасала своим мясокомбинатом, а я груши ел эти всякие. То есть я не чувствовал голода. Учился день и ночь, работал на субботниках и воскресниках и был все время занят, как и мама. Поэтому я стал взрослым сразу.

Ю.С.: А в классе ребята только русские уже остались?

В.Х.: Абсолютно русские. Ну так получилось...

Ю.С.: Евреев уже не было никого?

В.Х.: Нет-нет. Никого у нас я не знаю.

Ю.С.: И в школе, наверное, не было...

В.Х.: Самое главное — что ни кабардинцев, ни балкарцев не было. Местное население.

Выселение балкарцев. Окончание школы

Ю.С.: Тоже не было. Их выселили?

В.Х.: Нет, их потом выселили.

Ю.С.: Потом?

В.Х.: Это тоже страшная...

Ю.С.: В 44-м?

В.Х.: В 44-м году балкарцев выселяли. Это была страшная вещь, конечно, но...

Ю.С.: До вас доходили какие-то слухи?

В.Х.: Понимаете, моя тетя, о которой я говорил, жила как раз около вокзала города Нальчика. Я там не ходил, не смотрел, ничего. Некогда было. А она туда, к себе перебралась, в обычную коммунальную комнату. Она рассказывает, что пригнали десятки товарных вагонов, и буквально в два дня со всех концов... войска были — громадное количество. И прямо со всех концов гор... Нальчик все-таки центр республики, а балкарцы все жили в горах, их гораздо меньше, чем кабардинцев. Кабардинцы, в основном, городские и более цивилизованные, а эти жили всегда в аулах.

” И вот, значит, на машинах привозят их прямо в теплушки, и поезда один за одним, один за одним на Прохладное идут и идут. Вой страшный... Страшно, конечно, не дай бог! Это хуже оккупации. Хуже оккупации было.

А вот второй народ, кабардинцы, их было много, их нельзя было. Но, честно говоря...

Ю.С.: Нельзя?

В.Х.: Их нельзя было. Так много их...

Ю.С.: Слишком много, да?

В.Х.: Слишком много — раз, а потом, они все-таки немножко легче вели себя. Вот эти вот балкарцы — они, в общем, здорово помогали немцам. В основном вырезали русских только балкарцы. Немцы сказали, «вырезать вот такое село», там партизана одного увидели, или партизан...

Ю.С.: Но это доходили какие-то слухи, да?

В.Х.: Ну, слухи доходили, потому что вокруг села, где я как раз был когда-то, это село тоже было...

Ю.С.: Балкарское?

В.Х.: Полностью балкарское, и полностью они были за немцев. Гитлеру подарили лучшего коня...

Ю.С.: Ну, это говорят. Говорят.

В.Х.: Нет, ну это...

Ю.С.: Это было, думаете?

В.Х.: Я уверен, потому что живые люди говорили. Не в этом дело. Знаю, что они участвовали в вырезании русских. Лично участвовали. Что они помогали немцам, и эти два месяца, три месяца в Кабарде они были на стороне немцев. А кабардинцы — они, в основном, городские и, в основном, более цивилизованные. И многие были в армии. А тех и в армию не брали, балкарцев.

Ю.С.: Понятно.

В.Х.: Поэтому вот такая история малоизвестная. Не все известно. Мне кажется, у меня жизнь была тяжелая с самого детства, и только учеба меня спасала. Поэтому я на отлично учился, что нечего было делать.

Ю.С.: Понятно. Когда кончили школу, в каком году?

В.Х.: В 47-м. Мать хотела оставить меня, естественно, там, в городе Нальчике. Вуз, педагогический институт, до сих пор работает. А я... где-то попался справочник, как раз классный руководитель дала нам в группу справочник высших учебных заведений, какой-то допотопный. И на первой странице — Московский университет.

Ю.С.: Так просто! (*Смеется.*)

В.Х.: А я с золотой медалью. А тогда золотая медаль — без экзаменов: куда угодно, где угодно, безо всяких экзаменов. Сейчас медаль никому не нужна, а тогда золотая медаль была... На всю Кабарду было у нас две медали золотые.

Ю.С.: У вас золотая медаль была?

В.Х.: Золотая медаль. Это все-таки целая Кабардино-Балкарская республика, это в те времена было — героем стал. Мне даже костюм подарили, зная, что я должен был уезжать учиться. Ходил так, неизвестно в чем. Так мне специально к этой медали — костюм более-менее приличный, и обувь какую-то, чего у меня никогда в жизни не было. Короче говоря... А почему я стал геологом...

Ю.С.: То есть решили поехать в МГУ?

В.Х.: Поехать в МГУ. Это первая мысль была — только в МГУ. На какой факультет? А геологом — потому что все-таки я много бродил по горам вокруг и немножко в камушках разбирался. А потом, удивительно то, почему я стал геофизиком. У нас уже после войны, в десятом классе пришел преподаватель физики. И в то время появилась радиолокация. Вы знаете, немцы... вернее, англичане по-настоящему в 43-м году пустили радиолокацию. То есть поиски...

Ю.С.: Мой дядя, бабушкин брат, был главный инженер завода, его в Англию посылали, радиолокацию устанавливал он в Москве. Слиозберг Михаил Львович.

В.Х.: Короче говоря, в 43—44-м появилась у немцев радиолокация, у англичан, а у нас ничего не было, естественно. Но появилась литература. А преподаватель физики — военный, раненый, но все-таки более-менее ходячий. Очень прогрессивный мужчина был. Один преподаватель физики был губернатор, то есть бандит. (*Смеется.*) Другой — самый хороший был. У нас был кружок физический. Я был в активе: математику, физику любил. И вот на кружке мне дали тему: рассказать молодежи, школьникам — я уже был... в десятом классе, — что такое радиолокация. Он достал какие-то справочники, в газетах уже печатали. Уже было все это открыто более-менее. И на школьном кружке я целый час рассказывал, что такое радиолокация, для каких целей применяется. А при подготовке этого доклада мы работали с учителем. Но все шло о военной радиолокации. Я говорю: «А зачем — война кончится — нужно?» Надеюсь, что кончится. Куда на гражданке применить? А вокруг Нальчика горы, три четверти гор, одна четверть... безгорная. Вокруг горы, причем разной высоты: до двух-трех километров, высокие. И вот, я говорю: «А как вы думаете, можно от гор получить отражение и определить, где лед, где снег?..» Там же на вершинах снег. А там некоторая залесенность, отражение от леса очень плохое, от скал очень хорошее: это уж мы с ним, с учителем сами додумались. Нельзя ли получить и с помощью радиолокатора вести географическую съемку? А что такое географическая съемка мы уже понимали.

Короче говоря, я посмотрел когда справочник поступления в вузы, нашел факультет геологический, на первом месте стоит геофизика. Только ее открыли, три года назад открыли геофизику, первый год набор. Я в третий набор попал. Я быстренько послал документы: аттестат зрелости, почему-то это можно было по почте посылать. В июле послал или когда-то и даже не ожидал, поскольку мать пристраивала меня в педагогический институт местный. Вдруг за неделю до 1 сентября приходит письмо: «вы зачислены». И вот я... (*Плачет и смеется.*) Извините, без слез не могу говорить, попал в университет. Почему геофизика: радиолокация — это типичный геофизический метод сейчас, самый модный метод малоглубинной геофизики — это радиолокация. У меня была, во-первых, горная натура, с породами дело имел. А тут вроде физиком стал в десятом классе. Поэтому так в жизни получилось.

Поступление в МГУ

Ю.С.: Вот приехали в Москву, в МГУ, из Нальчика...

В.Х.: Мне было шестнадцать с половиной лет.

Ю.С.: Шестнадцать с половиной?

В.Х.: И ехал один студент, демобилизованный из армии, мужчина знакомый. Он говорит: «Я тебя довезу до Москвы, помогу устроиться». А он был в МИСИ, такой есть институт МИСИ, где нынешний министр — проректор был в МИСИ.

Ю.С.: По-моему, он был в [Институте] стали и сплавов, а МИСИ — это инженерно-строительный.

В.Х.: Виноват, простите. Стали и сплавов, я спутал. Я знаю, что сейчас он стал проректором. Короче, он [знакомый] студентом был. И он в общежитие привел [Института] стали и сплавов. Первый день, с утра приехали, бросили вещички свои. Говорит: «Ну, иди в свой университет». Спихнул меня, короче говоря. (*Смеется.*) А день рабочий был. Я прихожу на Моховую, на факультет... паспорт, наверное, был. Был же, наверное, паспорт? Короче, там меня схватили сразу, тут же написали в общежитие направление, на Стромынке...

Ю.С.: В студенческое?

В.Х.: Студенческое. На Стромынке, тогда был студенческий городок там, вообще вузовский городок Москвы в то время. Я там часа три оформлял документы, поехал забрал свою сумку и поехал в направлении Стромынки. А уже была ночь, часов восемь вечера. А это был сентябрь, естественно...

Ю.С.: Так как же нашли-то? Это же...

В.Х.: Это неважно, тогда легко было искать. Это сейчас я ничего не могу найти в Москве (*смеется*), а тогда я мог найти все. Короче, смотрю — восемь часов. Думаю: «Ну кто меня возьмет?» А уже это был... хотя конец августа, но еще было очень тепло. И там — может, вы знаете, — за Сокольниками там лавочки, парк маленький. Под голову сунул вещичку, проспал ночь. (*Смеется.*) Первая ночь в Москве — я даже не ночевал в общежитии в МИСИ. Значит, утречком пополз. Сразу мне дали комнату, то есть не комнату, — восемь человек в комнате. В общем, сразу поместили, как раз вместе с геофизиками и геологами. Там комнаты были специализированные. Ну вот, и так я стал [студентом]. А мне было шестнадцать с половиной лет.

Ю.С.: Самым младшим были, наверное?

В.Х.: Самым младшим, поэтому всю жизнь я был у них на побегушках. А там трое военных было, демобилизованных из армии. В моей группе, а группа была восемь человек всего.

Ю.С.: Маленькая.

В.Х.: Маленькая, потому что, знаете, это уже некоторая особенность. Эта геофизика, которую вы не любите, просуществовала всего три года: 44-й, 45-й, 46-й, 47-й год. И вся атомная энергетика была обеспечена сырьем за четыре года. За четыре [года] и два выпуска наших в том числе. Тоже геологи, с радиометрами. С радиометром я ходил. Короче, за четыре года полностью была решена атомная проблема. Поиски урана. А ведь вы знаете, атомная бомба — только два процента урана приспособлено — девяносто два, девяносто второй номер — к урановой промышленности, а остальное сырье не используется особенно. Надо найти очень много урана, чтобы одну бомбу сделать.

Ю.С.: Мне казалось, из ВИЭМСа какой-то бывший военный придумал эту радиометрическую съемку аэро.

В.Х.: Ну вот, аэро и была. Ну это итог, а так все, честно говоря, придумали какие-нибудь немцы, скорее всего. Потому что у них все уже было: атомная бомба была на девяносто процентов готова, слава богу, они еще не все разбомбили.

Однокурсники В.К. Хмелевской и А.В. Кожевников. 1950 г.

Ю.С.: Хорошо. Вот вы сказали, что геофизика была перед этим всего три года.

В.Х.: Нет, это выпуск... официальный...

Ю.С.: А, официальных выпусков.

В.Х.: Она существовала пятьдесят лет...

Ю.С.: Больше же, да.

В.Х.: Нет, начиная с Курской магнитной аномалии, даже с конца прошлого века, а официальная геофизика началась буквально после войны. Министерство геологии. И случилась такая неприятность. Геологи, в том числе, геологического факультета МГУ, профессор Мозорович такой...

Ю.С.: Знаю, еще бы!

В.Х.: Олег наш тут учился. А отец, это отец.

Ю.С.: Да, знаю, конечно.

В.Х.: Отец был лидером на геологическом факультете в те годы. Деканом был почвовед Виленский. Геолого-почвенный факультет был такой.

Ю.С.: Геолого-почвенный?

В.Х.: Геолого-почвенный.

Ю.С.: В то время...

В.Х.: Декан Виленский, почвовед. А отделением геологии командовал Мозорович, неофициально. Уже много кафедр было, отделение геофизики появилось, и минералогия была, и геология, и историческая геология, — кафедр уже много было, штук шесть в общей сложности. Я не уверен, может, и позже организовалась. Короче, факультет был уже сильный, потому что он еще с довоенных лет, всегда он был факультет геологический...

Ю.С.: Да.

В.Х.: Геологическое ядро сильное. А геофизиков было два человека: Федынский и Заборовский, которые были заняты, и только по совместительству, приходили только по субботам.

Ю.С.: А где у них основное место было?

В.Х.: Федынский — это руководитель всей геофизической службы Министерства геологии. Главный геофизик Министерства геологии. Ранг замминистра имел. Двадцать пять лет он был замминистра геологии фактически. Вся геофизика — он создавал ее. Вот как раз он начал ее и, так сказать, умер, когда уже золотой век геофизики стал. Федынский Всеволод Владимирович. Но он на полставки работал у нас в МГУ. Он организовывал кафедру, и по субботам у нас все занятия были, в основном по субботам. Полставочник, вот так загруженный. Поэтому он приходил к нам отдыхать.

 В подвале на Моховой была комнатка маленькая, группы маленькие. Нас усаживал вокруг себя и читал лекции. Никаких досок не было, писал на листочке, мы переписывали, — в общем, абсолютно семейная обстановка была.

А Заборовский — в это время он уже был настоящим геофизиком, деканом геофизического факультета МГРИ. Перед войной... вернее, в первые послевоенные годы. Его назначили по совместительству завкафедрой. А МГРИ-то был рядом с нами, в одном дворе. Его назначили исполнять обязанности заведующего кафедрой, а этот просто рядовым профессором. Два человека начинали все курсы. (*Смеется.*) Первые три-четыре года были два человека, плюс еще совместители пришли. Короче говоря, попали мы в самые первые руки. Люди абсолютно уникальные, удивительные, гениальные, способные, как всякие первооткрыватели. Хотя их не считают первооткрывателями, но на самом деле для меня они первооткрыватели. И в радиометрии, и в магнитометрии, и в электроразведке — Заборовский. Главное — все из первых рук получали.

Хочу кляuzu на геологов сделать. Проучился, прошла геофизическая подготовка до 50-го года. В 50-м году, через шесть лет после организации кафедры — вот почему наши курсы были маленькие, последние — уже начали постепенно сокращать, и геологи решили выгнать геофизиков.

Попытка закрытия геофизического отделения

Ю.С.: Почему?

В.Х.: Этого я не знаю, просто не знаю. (*Смеется.*) В 50-м году я был на третьем курсе, в 49-м я был на втором курсе.

Слушайте историю. Вот это история, которая достойна быть описанной. Короче говоря, пришло распоряжение. В сентябре месяце, я был на втором курсе, после отпуска, приехал от мамы с Кавказа. Говорят: «Геофизику сокращаем, переводим вас в МГРИ». Какое-то постановление кто-то придумал.

Я абсолютно уверен, что это Мозорович и геологическое руководство решило «убрать этих геофизиков: они свой уран открыли». Урановая проблема была решена, иначе бы нас не закрыли. И вот возникло постановление министерства: закрыть. Но оно не было подписано, а просто готовилось, и шум пошел. Шум пошел, нам сказали: «Вас переведут в МГРИ». Преподаватель там был один у нас штатный, а эти совместители — им до лампочки было. Причем Федынский, как и все люди, знающие те времена, боялся протестовать. Он отстоял некоторые институты в Новосибирске... Кроме нашей кафедры, были в Новосибирске, в Перми была открыта кафедра, в Ташкенте...

Ю.С.: Геофизические?

В.Х.: Геофизические кафедры открыты. Он их отстоял. А в Москве, говорят: «Рядом МГРИ», открылась на физфаке кафедра «Физика земли», в 45-м году была открыта.

Ю.С.: Это совсем другое...

В.Х.: «Какой хрен держать геофизику, зачем это надо?» Такая вот идея. Я знаю, что она тесно была соединена с Мозоровичем, извините, я его любил очень...

Ю.С.: Да нет, странно, он крупный человек, он должен был понимать...

В.Х.: Все-таки это инородное тело тогда было совершенно.

Ю.С.: Геофизики слишком умные всегда.

В.Х.: Ничего не умные, они такие же дураки, гораздо больше, но главное, что у нас такое настроение было, что мы пошли к Федынскому, пошли к Заборовскому, начали умолять: «Пожалуйста, оставьте нас, защитите нас». А с Федынским прямо... я второкурсник был и комсорг.

Ю.С.: Вы комсоргом были?

В.Х.: Да. Сначала группы, а потом курса геологического факультета.

Ю.С.: Но вы же были самый младший, как вы в комсорги попали?

В.Х.: Поэтому пихали, пихали везде, как всегда самых тупых берут на всякую деятельность. (*Смеются*.) Короче, я первый умолял... В одну из суббот сидели, чай пили, я умолял его защитить. Он честно сказал: «Знаешь, Виктор, не лезь ты в это дело. Раз решено — значит решено. И никто не поможет вам. А уж я тем более не буду помогать». А я так психанул, я считал себя комсоргом... У меня было три военнослужащих: два офицера, лейтенанта, один сержант, и дама... Ира Иванова. Недавно, буквально месяц назад умерла, Ира Иванова, дочь полка. Полно медалей, она с тринадцати лет в армии была, в действующей армии, отец у нее был командир полка, и она у него была машинисткой. Причем на передовой, в саперной части. Столько бомбили, целая история, это вот немножко упоминаю о ней.

И.В. Иванова. 1950 г.

Короче говоря, три ветерана войны, полно орденов. Я и говорю им: «Слушайте, ребята, двигайтесь вы в ЦК партии, давайте напишем письмо, и докажите, что совершается преступление». Я же ничего не знал, что творится.

Ю.С.: Ну, да. Нет, ну честно, открыто...

В.Х.: Я же по-комсомольски... Они мне: «Зачем, Федынский сказал: „бесполезно“, зачем это нужно». Я говорю: «Нет!» Второй курс, сентябрь месяц. Я говорю: «Нет, давайте писать!» Конечно, сами мы ничего не толковали, сели с Заборовским и с Федынским, они написали, говорят: «Но никому не говорите, что мы писали». Короче, они нам диктовали: что такое геофизика, как это нужно, что это будущее, нефть... без геофизики нефть не получишь, что геофизики уже решили атомную проблему, — в общем, что это существенная вещь. А дальше мы написали: «Мы, комсомольцы, хотим остаться...»

Ю.С.: Кто подписал-то?

В.Х.: Мы подписали... Ну, не в этом дело.

Ю.С.: Но ваша подпись была?

В.Х.: Нет, моей подписи не было. Там так было сделано: написано письмо, продиктовано ими, отредактировано нами, написано по-студенчески, и написали три фамилии, три фронтовика. И я внизу написал: «Комсорг Хмелевской».

Ю.С.: Понятно.

В.Х.: Подписали три фронтовика. А самое главное — они напросились на прием к инструктору ЦК по промышленности. Они долго добивались, ходили в приемную с этим письмом. Им говорят: «Передать по почте». А они говорят: «Мы хотим поговорить...» Он взял и принял. Инструктор по промышленности... (*Смеется.*) Геология — это же промышленность, тогда никакой геологии не было, ничего.

Ю.С.: Ну да.

В.Х.: И вот они, ребята толковые и взрослые были, уже второй курс, знали, что такое геофизика, как она перспективна. (*Смеется.*) И вот они сели с этим инструктором. А тот, конечно, абсолютный профан в геологии и геофизике был. Два часа он их держал и пытал и обучался. И столько вопросов задал, что они, естественно, не могли ответить, но отвечали как будто бы... А что это студенты второго курса — это его не колышет. (*Смеется.*) Он берет трубку и звонит куда-то в Министерство, как ребята говорят. И говорит: «У вас такой приказ есть? МГУ, там, геофизики...» — все рассказал. Те говорят: «Ну, подождите». Он опять что-то говорит, а трубку держит. Те отвечают: «Да вот, лежит, мы его никак не подпишем, некогда! Мы подпишем у министра сегодня, подпишем!» Они думают, что тот требует немедленно закрыть этот [вопрос]. А он говорит: «Немедленно порвать ее, закрыть, и чтоб об этой бумажке никто не знал!» О приказе о ликвидации. Пока наши приехали на факультет, уже стало известно, что никакого закрытия нет. (*Смеется.*)

Ю.С.: Ну это вообще!

В.Х.: Вы понимаете?

Ю.С.: Фактически, вы — инициатор спасения геофизического факультета.

В.Х.: Да. И вот тот рецензент, который читал мою книжку, об этом писал, что «главная заслуга Хмелевского, что он сохранил в МГУ геофизику».

Ю.С.: Фактически да.

В.Х.: Хотя уже на физфаке открыли кафедру, отделение физики земли, зачем это нужно...

Ю.С.: Это совсем другое, все-таки физика земли...

В.Х.: Этого никто не понимает...

Ю.С.: У меня товарищ ее кончал.

В.Х.: Геофизика — все равно геофизика. Короче говоря, я спас... Не я, конечно, они спасли... Но инициатор я был по комсомольской линии. (*Смеется.*)

Ю.С.: По душевной комсомольской.

В.Х.: Короче говоря, такая вот была история.

Ю.С.: Только в молодости такие вещи удаются...

В.Х.: Ну, а потом безграмотность. Если б я знал...

Ю.С.: Нет...

В.Х.: Они же боялись. (*Смеется.*)

Ю.С.: Не в этом дело. А вот как раз отсутствие страха и чувство правоты.

В.Х.: И это чувство нового...

Ю.С.: И чувство нового...

В.Х.: ...у меня оно, слава богу, сохранилось. Но, кстати сказать, в методе радиолокации я был первым в студенческой группе. На третьем курсе я начал ее толкать, радиолокацию. У нас был преподаватель, доцент Крылов, радиотехнику читал. Я ему говорю: «Давайте применим радиолокацию для геофизической разведки». А он очень грамотный физик был, после армии, конечно. Он говорит: «Так это все известно». А оказывается, в литературе уже идеи пошли, что радиолокацию надо и в геологии применять. Короче, я был у него первым учеником. Он приобрел аппаратуру, первые работы пустили мы здесь, в России.

Ю.С.: Но это аэро?

В.Х.: Нет. Наземный вариант.

Ю.С.: Наземный вариант?

В.Х.: Наземный вариант. Поиски подземных вод. А зеркало грунтовых вод отлично отражает сигналы. Ну, это глубина пять-шесть метров, никому это не нужно. Но, во всяком случае... Сейчас это шикарный метод, поскольку он широко применяется в инженерной геологии, в археологии, на глубинности десять метров отличные неоднородности. Раньше была только подземная вода, и все. А сейчас такая чувствительная аппаратура, что они десятиметровую толщу прозвучивают с ходу. Воздушная съемка, конечно, есть, но она неразрешимая. А тут прямо тащишь антенну со скоростью пешехода, полуавтоматически, цифровая запись, строится такой... радиометрический разрез, будем говорить радиологический. А дальше стоит немножко мозгами пошевелить, обнаружить контакт, сбросы, а уж там, где вода появляется, там сигнала отличное отражение.

Ю.С.: Для четвертичной съемки...

В.Х.: Четвертичной — вообще... мы называем это «малоглубинная геофизика».

” Короче, я был у истоков малоглубинной радиолокации, сейчас самой модной в инженерной геологии, в археологии и вообще во всяких делах, потому что это очень легко. Дорогая аппаратура, но все делается очень просто.

Об учебе в МГУ

Ю.С.: А вот об МГУ... расскажите, а? Того времени, как учились. А потом уже дальше.

В.Х.: Вы понимаете, мы по-честному учились. Особенно фронтовики. Они все перезабыли. Я еще что-то помнил. Но тем не менее когда пришел на высшую математику... у нас, у геофизиков, было математики тридцать процентов. И математику до сих пор читает мехмат, преподаватели мехмата. И они пытаются на своем уровне читать.

Ю.С.: И у вас так читали?

В.Х.: И у нас так читают. До сих пор так читают. Наши студенты воют, ноют и убегают после...

Ю.С.: И когда вы учились, тоже так читали?

В.Х.: Просто учебный план составили такой, считают, что, в отличие от геологов, они должны знать хорошо математику. А тогда чувствовали, что будет информатика, что будут электронно-вычислительные машины, а без этого ничего нельзя сделать. Короче говоря, на первых математических занятиях ничего не понимал. Эти ребята сидели вообще как тупицы. Вместе обсуждаем что-то такое, начинаем друг друга

учить. Первый месяц для меня был убийственный: я не понимал эту высшую математику. Хотя был отличник, любил математику и решал в школе задачи запросто совершенно.

Ю.С.: Катастрофа.

В.Х.: Мне было плохо. Но все-таки мозги чуть помоложе были, и я стал раньше их понимать. (*Смеется.*) Потом консультации нам начали оказывать: видели, что тупицы, ничего не понимают, хороший преподаватель, ведущий семинары. Забыл, как его... Во всяком случае, чувствую, через два месяца все прояснилось, все стало как божий день ясно. В общем, мы здорово работали в общежитии. У нас как раз все геофизики, семь человек, восьмой геолог был. Сели вечером и начинаем решать задачи. А там главное — набить руку на задачах, решении упражнений. Остальное, теория как-нибудь приложится. Короче, мы быстро выползли. И потом как пошли пятерки, и так до конца пятерки по математике.

Ю.С.: Чудо!

В.Х.: Учились здорово, конечно. Халтурили очень мало. Денег не было, жить тяжело было.

” Работали много на стороне: разгружали вагоны, в кинофильмах в массовке снимались. То есть активная жизнь была, и зарабатывали денег.

Мама мне ничем не могла помочь, просто иногда пришлет посылку с чем-то. Во всяком случае, я подрабатывал здорово. Не только я, фронтовики тоже. У них семьи, они вообще вкалывали. Поэтому очень тяжело было.

Ю.С.: То есть у них уже у кого-то семьи были?

В.Х.: Нет, попозже немножко, где-то к пятому курсу появились семьи. Короче, не в этом дело. Все-таки стипендия маловата, мягко выражаясь. На одну стипендию прожить очень трудно... но можно было проживать. Иногда не было работы, и мама посылки не присылала — я никогда не чувствовал ни голода, ни холода, мне было все равно. Я не обращал абсолютно никакого внимания на еду: для меня это только было физическим явлением. (*Смеется.*) В общежитии мы, конечно, коммуны организовали. В общежитии, в коммуне все деньги сбрасывали в кучу, помогали друг другу. Но люди были все бедные. Все семейства... и москвичи... Вот Ирка была москвичка, но она помогала. Нас даже возила иногда, к себе приглашала, мама кормила нас. Во всяком случае, много работали. На массовках на каких-то работали. Стипендия у меня была, в принципе. (*Смеется.*) Жить можно было.

Учебные практики

Ю.С.: А практики?

В.Х.: А дальше пошли сплошные практики. Я пошел расти. Сначала был аспирантом, закончил аспирантуру...

Ю.С.: Нет, до аспирантуры, подождите, до аспирантуры еще надо дойти. Там и практики, и диплом...

В.Х.: Практики — это все очень интересно, очень... Важно для студента.

Ю.С.: Как получалось? Как выбирали, куда посылали? Это же такое время было...

В.Х.: Во-первых, очень большие заявки. Уже геологи прослышали про геофизику, какие-то деньги выделяли. А у нас был такой, НИС назывался... Научный институт... НИС. И доцент Крылов, доцент Огильви — они имели хоздоговора. И мы у них устраивались. Первая практика после третьего курса. У Крылова была учебная практика. А у Огильви, профессора Огильви, ныне покойного, была экспедиция

в Крыму.

Ю.С.: Огильви?

В.Х.: Огильви Николай Александрович, геолог.

Ю.С.: Я знаю...

В.Х.: А это Александр Александрович, его брат. Так вот, он меня сагитировал, говорит: «Езжай начальником отряда на южный берег Крыма». У меня появились какие-то деньги. Я взял троих отличников, студентов третьего курса — и я третий курс — и мы вчетвером сделали отряд такой, по изучению оползней по самому берегу.

Президиум встречи выпускников отделения геофизики, посвященной 50-летию кафедры геофизики на геологическом факультете МГУ. Слева направо: А.Г. Гайнанов, А.А. Огильви, В.Т. Трофимов, В.К. Хмелевской. Выступает декан геологического факультета профессор Б.А. Соколов. 1994 г.

Ю.С.: Южный берег, да.

В.Х.: Там в то время еще мало было государственных дач. Были государственные дачи, но еще был свободный проход к морю. Сейчас не пройдешь, по-моему, к морю...

Ю.С.: Сейчас не пройдешь.

В.Х.: От Симеиза до Алушты, нам надо было за один год пройти этот район. Причем несколькими профилями. Электропрофилеирование, и просто попытка изучить оползни. Это первая идея Огильви, как изучать оползни. А там все ползет... Главное, грубо говоря, электрологическое картирование... интерпретация с точки зрения оползневой возможности. И вот мы двинулись от Симеиза на Алушту. Жара

страшная, работать очень тяжело, но все-таки недалеко от моря. Бегали к морю. Жили в Ялте. У нас шикарная квартира была, и машина была, которая привозила нас и увозила. Приезжаем на обед, уезжаем, нас встречают.

Ю.С.: Вы начальник отряда?

В.Х.: Я был начальник отряда, третий курс. Никаких специалистов здесь не было вообще или почти не было. *(Смеется.)*Самое страшное, что нас периодически ловили: попадали мы в какие-то зоны, нас сажали в кутузку. *(Смеется.)* А в Ялте был начальник, вы его, наверное, знаете: Золотарев Юрий Сергеевич... Не слышали? Крупный такой мужчина, инженер-геолог, выдающийся ученый, знаток всяких оползней, всей гидрогеологии, всякого карста, он там считался богом геологическим. Он работал у нас профессором, все лето сидел там. Мы звонили ему, он приезжал, и нас начинали вытаскивать. Сажали нас периодически за то, что мы делали в неполюженном месте. *(Смеется.)* Тем не менее мы прошли сотню километров за сезон, чуть ли не до сентября работали. Это была моя первая [практика]... То есть я начал практику с начальника. И вот с тех пор как пошел в начальники, не получается другого. *(Смеется.)* С неруководящей работой не справляюсь уже.

Ю.С.: Это третий курс, а после четвертого?

В.Х.: После четвертого Крылов нас взял. После четвертого я работал тут, в Подмосковье. Радиолокацию свою продолжал с Крыловым вместе развивать. Радиопросвечивание, другие всякие варианты с радиоволнованием. Быстро закончил пятый курс, и меня сразу же оставили...

Диплом. Аспирантура

Ю.С.: А диплом?

В.Х.: Диплом я написал с Крыловым, по подземной геофизике. Работали в московском угольном бассейне, Новомосковск город, лазили по шахтам и вели радиоразведку из шахт. Радиопросвечивание.

Ю.С.: Понятно.

В.Х.: Выделение полуобводненных зон... Там же очень сильная обводненность, и страшные аварии только из-за воды. И поэтому там горных ударов не было, поскольку малые глубины, низкие, сто метров, двести метров. Но там вода портила все дело. И прорывы, и карстовые зоны, и сбросы, и тектонические нарушения. И все это обводненное, и все это реагирует на радиоволны. Поэтому столько там интересного Крылов, наш доцент, придумывал и выдавал, и что-то помогал, и что-то выявлял. По крайней мере, так называемая подземная геофизика, или шахтно-угольная геофизика, вот такая.

Ю.С.: Немножко знаю: нас чуть-чуть учили, да.

В.Х.: Во всяком случае, мне неоднократно приходилось этим заниматься. Ну а дальше — закончил пятый курс. Получил направление...

Ю.С.: Вы кончили хорошо?

В.Х.: Был отличник, красный диплом, все такое.

Ю.С.: Да? Это вы так, рукой машете, а это же...

В.Х.: Ну красный диплом — и что? Но поскольку я все вертелся на глазах, секретарем бюро комсомола был, и отличник, — решили оставить меня в аспирантуре. Начальство решило. Я-то устроился на работу, в «Гидропроект» меня брали в Москве. А они решили: нет, давайте в аспирантуру. Оформили документы. Проходит месяц, проходят два. Вызывает меня парторг факультета: «Виктор, дорогой, извини, пожалуйста...»

Ю.С.: Папа расстрелян.

В.Х.: «...где твой отец?» — «То ли умер, то ли расстреляли». Я тогда больше ничего не знал. Он говорит: «Не проходит, не проходит...» Вот тут-то мне помог Толя Федынский, все-таки он был замминистра.

Ю.С.: Ну да.

В.К. Хмелевской в аспирантской комнате общежития МГУ. 1955 г.

В.Х.: Он то ли к ректору пошел, то ли что... В общем, все это на тихую делается. Я еще жил в общежитии, начал собираться, в «Гидропроект» ехать, перебираться, меня кто-то сосватал. Это прошел месяц после того как меня вызвали. А потом смотрю — вызывают меня в деканат: «Все нормально, давай быстренько оформляйся, быстренько в общежитие и быстренько переезжай в новое здание». Оно открывалось в 53-м году, и я был первый аспирант, который имел такую комнату. Тогда аспирантам давали комнату в зоне «В».

Ю.С.: То есть это Федынский, да?

В.Х.: Да, кроме него, никто не мог. Он настолько был известный. А может, кто-то еще. Короче, я не пытался особенно узнавать, но я и не мог, как я мог...

Ю.С.: Да никак не узнаешь.

В.Х.: Но я спрашивал у Федынского: «А почему меня взяли?» Он: «Ну мало ли почему? Все бывает». Вот так как-то...

Ю.С.: Ох, господи...

В.Х.: Ну, короче говоря, я попал в аспирантуру.

Поездка на Туркменский канал

Ю.С.: А к кому?

В.Х.: К Заборовскому. Заборовский с удовольствием взял меня, он был крупный профессор в области математики. Первый геофизик-электроразведчик. Он все время за мной следил, помогал. Но поехал я вместе с Крыловым на Туркменский канал. Знаете?

Ю.С.: Да. Конечно!

В.Х.: Каспий — Амур делали. Начали геофизику. Руководил экспедицией, геологами и геофизической, естественно, громадной, генерал-лейтенант НКВД, который меня спас потом. Нас бросили чуть не в центре пустыни. На этом самом... ну, на воде, как это называется?.. Забыл. Ну ладно. Короче, вода была у нас полусоленая. Машина у меня была. Крылов был начальником, я исполнителем, и еще два студента рабочими. То есть четыре человека, с водителем пять. Хорошую машину нам дали. Там проехать можно, там было более-менее. От Ленинска, центр этого туннеля, центр канала был. На колодце нас поставили, палатки, жара страшная, спали под машиной. Машина — большой кузов такой.

Ю.С.: Вокруг никого?

В.Х.: Никого абсолютно! Сто километров — ни одной души! Только хорошо — на колодец поставили. Колодец.

Ю.С.: Ну колодец.

В.Х.: Колодец, причем как раз в середине туннеля. Километров пятьсот до Ленинска, а всего тысяча километров. Где-то близко к середине. Жара страшная. И вот эту радиолокацию и все, что связано с радио, мы начали применять в поиске подземных вод. А там же вода то соленая, то чуть-чуть сладкая, то почти пресная, то вообще ничего нет. Все-таки там песчано-глинистые породы, и они очень...

Ю.С.: Линзы такие все.

В.Х.: Линзы все-таки. Колодезная одна линза, почти пресная вода была. А совсем рядом — другой колодец.

Ю.С.: Другая линза?

В.Х.: Абсолютно не пьющаяся, абсолютная минерализация. Мы картировали, по пустыне ползали. Машина стояла, мы на руках все таскали и изучали радиолокацию.

Ю.С.: Жара же дикая!

В.Х.: Сорок градусов. Страшно! Мы работали, конечно, в основном, утром рано, ночью... Кстати, ночью холод собачий был всегда, хотя это лето было, мы целое лето работали. Нет, работали мы два месяца. Короче говоря...

Ю.С.: А на чем готовили? Кизяк? Кизяка нет...

В.Х.: У нас кизяк был, что-то привозили нам, что-то добрасывали. Поскольку это номенклатурные работы, нам привозили продукты.

Ю.С.: То есть все-таки обеспечивали...

В.Х.: Вертолет прилетал...

Ю.С.: А, даже так?

В.Х.: Продукты привозили, потому что машина ездит тысячу километров.

Ю.С.: То есть обеспечивали?

В.Х.: Мы были на полном обеспечении, жили шикарно, кроме жары страшной и боялись этих самых...

Ю.С.: Тарантулов разных.

В.Х.: Тарантулов. У нас были кошмы, мы разостлали кошмы вокруг...

Ю.С.: В палатках, естественно, жили?

В.Х.: Палатки были... В основном, ночью под машиной спали.

Ю.С.: Понятно, жара...

В.Х.: Сквозняк. Короче, интересные результаты получились. Насчет пресной—соленой — еще спорный вопрос, но выделяли из обводненной точно. Потому что минерализованная вода, пресная вода на радиолокации одно и то же дает, сигнал отраженный, но по затуханию его можно, так сказать, оценить...

Ю.С.: Предположить.

В.Х.: Относительно. Дельта. А мы же работали с радиопередатчиками, пускали в эфир радиосигналы. (*Смеется.*) У нас было разрешение радиоинспекции на одну частоту, а нам надо было работать на нескольких частотах.

Ю.С.: Вам надо несколько, конечно.

В.Х.: То есть мы здорово «шумели». А доцент, хотя он был доцент и знал, что нас за это посадят, говорил: «Давайте рискнем!» Поскольку далеко вроде бы до туркменской границы. Короче, мы работали не на одной частоте: на двух-трех.

Ю.С.: Всегда разная должна быть, да.

В.Х.: Разные частоты.

Ю.С.: Конечно.

Доцент Э.М. Кузьмина со студентами-геофизиками на учебной практике в Крыму. 1964 г.

В.Х.: Наверное, штук пять частот. Был шикарный передатчик военный, шикарный, маленький такой, миниатюрный. Все портативное, потому что на аккумуляторах. Приемники шикарные были. Крылов молодец, добыл, трофейное все было, на совершенном уровне мировом. Короче, месяц проработали, все были рады, довольны. Вдруг однажды спускается вертолет. А вертолет приходил раз в неделю. Спускается вертолет.

Ю.С.: Уже вертолеты были?

В.Х.: Вертолеты были уже. И маленькие самолеты были.

Ю.С.: Маленькие — это да, это я знаю.

В.Х.: Знаете, может быть, я вру, но, во всяком случае...

Ю.С.: Ну неважно: прилетели, короче.

В.Х.: Нет, самолетик прилетел.

Ю.С.: Да.

В.Х.: Выскакивают несколько пограничников с винтовками — и к нам. А больше на сто километров ни одной живой души. Лейтенант говорит: «Вы нарушаете такой-то закон». Крылов говорит: «Нарушаем». — «Кто вам разрешил?» — «А вот, разрешение есть на одну частоту». — «Этого мало. Надо

на все частоты». — «А-а, а мы думали, что можно...» (*Смеется.*)

Ю.С.: Ну да, под дурачка. (*Смеется.*)

В.Х.: Под дурачка. Он говорит солдатам: «Уничтожить передатчик...»

Ю.С.: У! Что, реально уничтожили?

В.Х.: Реально уничтожить. Разбили передатчик...

Ю.С.: Кошмар!

В.Х.: Они понимали, где передатчик, где приемник. Приемник оставили. Разбили передатчик и говорят: «Мы вас арестовываем, мы не знаем, чем вы занимаетесь. Ребятам оставьте, — а у нас студенты, он доценту говорит. — Мы вас увезем в Ленинск, обсудим».

Ю.С.: То есть Крылова?

В.Х.: Крылова. А мы, значит...

Ю.С.: А вы здесь пока остались.

В.Х.: А вы сидите. Делать нечего без передатчика. Сидим, загораем. А Крылов был довольно опытный человек, не знаю, что он там делал, куда попал, но он быстро сообщил в Москву — завкафедрой был тогда Заборовский. И быстро сообщил во все органы: поскольку мы были номенклатурные, геофизики единственные тогда были среди геологов. Короче говоря, не прошло и трех дней, или четыре дня — прилетает самолетик. Выходит из него Заборовский — из Москвы привезли его. Вы, может быть, слышали такую историю: геологу дали форму геологическую...

Ю.С.: Да-да, конечно.

В.Х.: А он был генералом.

Ю.С.: О!

В.Х.: В генеральской форме был. Значит, в генеральской форме первый выползает Заборовский. За ним — Крылов, еле-еле, трясущийся, выходит. За ним выходит генерал-лейтенант, руководитель всего Туркменского канала. энкавэдэшник. Ну и солдатики. Много народу прилетело.

Ю.С.: Ну да.

В.Х.: Короче, нас привезли.

” А когда Крылова брали, они сказали нам: «Мы вас тоже арестуем, только в следующий раз. Сначала одного арестуем, а потом вас арестуем, вы никуда не денетесь». Сидите, спокойно ждите, мы вас заберем.

Выходит начальство. Оказывается, они замяли это дело, уголовное дело замяли. Настолько было быстро сообщено в Москву, и тут все такое... Даже Заборовский — он уже пожилой был, шестьдесят лет ему было, прилететь туда не так просто — короче, он оттуда прилетел в Ленинск, в штабе Туркменского канала побывал. (*Смеется.*) Добыл там самого главного... Он был довольно активный человек, добыл самого главного генерала: он там был абсолютный бог, Виноградов фамилия его. Просто абсолютный бог. НКВД, генерал-майор и начальник всей стройки. Не только изысканий, но и стройки.

Ю.С.: Понятно.

В.Х.: Короче говоря, они замяли это дело. Единственное, сказали: «Убирайтесь отсюда, чтоб духу вашего

не было!»

Ю.С.: А как дальше работать?

В.Х.: Никаких работ. Прекратили работы.

Ю.С.: Все, да?

В.Х.: Прекратили работы. Мы, слава богу, подготовили отчет... Крылов, когда арестовали, взял с собой, был готов уже отчет, предварительный. Разрезы, что-то было, какие-то места, где есть воды, были отмечены. Уезжали в радиусе километров пять, от колодца боялись уезжать далеко, но вокруг вертелись и по трассе, может, километров двадцать проезжали. Короче, он все-таки доказал, что не шпион. (Смеется.) Не только шпион. Естественно, тут же они в самолетик и улетели, а мы на своей машине в Ленинск, два дня ехали. Вот это тоже история такая...

Ю.С.: Да, серьезная история.

В.Х.: Нашим преподавателям, и мне в том числе, пришлось работать очень много в поле. За свою жизнь геологическую я пятьдесят экспедиций прошел в разных странах: от южного берега Крыма до Северного Ледовитого океана.

Ю.С.: Да-да.

В.Х.: Это расстояние у меня все изъезжено. Конечно, не все. Я посчитал в книжке: пятьдесят районов за пятьдесят лет работы. У нас такая традиция: все преподаватели — я вот начальником уже много лет сижу тут — всех заставляю ехать в поле. Даже, так сказать, в ущерб учебному процессу в Москве. Если есть вакансия, какие-то деньги, какие-то договора — ездая в поле. Зимой, летом, в процессе учебном, не в процессе — только чтобы получить навыки. Производство идет впереди учебного процесса. Это совершенно ясно. Техника меняется страшно быстро геофизическая, через пять лет — все, она уничтожается, все заново получается, особенно в приборах, поэтому традиция была — все время быть в поле. Пока есть здоровье, пока есть силы — быть в поле.

Кандидатская диссертация. Работа над строительством водоводного ялтинского туннеля

Ю.С.: Ну а как дальше у вас складывалось?..

В.Х.: Дальше, когда кончил аспирантуру, мне дали сначала общежитие в главном здании...

Ю.С.: А тема какая была...

В.Х.: Темы были самые разнообразные.

Ю.С.: Нет, в смысле когда защищались.

В.Х.: Тема была такая...

Ю.С.: Вы успели защититься?

В.Х.: Защитился, конечно, кандидатом наук сразу стал. В срок положенный.

Ю.С.: Да? Это же редкость большая.

В.Х.: Тогда это было обязательно, тогда заставляли. Короче, я на полмесяца опоздал... Тема была связана с инженерной гидрогеологической геофизикой. Называлась так: геофизические методы... инженерно-гидрогеологическая геофизика, поиски подземных вод, карстов, обводненности и подземные, наземные — вот такие варианты.

Ю.С.: Ну да, Подмосковье, Туркмения...

В.Х.: Подмосковье, Туркмения, Северный Урал, Южный Урал... А потом одна эпопея, тоже интересная... (Усмехается.) Значит, я был ассистентом, штатным сотрудником, преподавателем. А у нас в Крыму есть полигон для практик студентов...

В.К. Хмелевской на Северном Урале. 1958 г.

Ю.С.: Ну еще бы!

В.Х.: Геологический полигон, где работают...

Ю.С.: Говорят, Богданов Алексей Алексеевич его там очень сильно обустроил.

В.Х.: Он же все обустроил...

Ю.С.: Моя мама с ним работала в экспедиции.

В.Х.: На Богданове десятки лет все держалось у нас на факультете. Короче говоря, геологические практики были давным-давно, с 36-го года...

Ю.С.: Ну да...

В.Х.: Все шли, шли и шли. Причем сначала второй курс, потом первый курс перебрался туда. После первого курса — динамическая геология, после второго — историческая и структурная геология. А после третьего

мы возили туда геофизиков. Надо три раза выезжать в Крым. Но поскольку у нас студентов много, штат большой, у нас преподаватели молодые были для крымских работ, но, будучи начальником Крымской геофизической практики несколько лет, я решил наряду с учебными работами вести производственную работу в Крыму. Потребности в геофизиках были. Карст, изучение глубинного строения. И вот несколько лет, скажем, 57-й, 58-й, 59-й, 60-й — пять лет я делал практику учебно-производственную. Нашел заказчика. А заказчик вот какой был...

Ю.С.: Да, я таких даже не слышал вещей.

В.Х.: Ялте нужна была вода, давно нужна была. Ее там никогда не было. И вот решили в 57-м году пробить под Ялтинским хребтом, Айпетринский, Ялтинский — знаете такое?

Ю.С.: Да-да...

В.Х.: Пробить туннель, пустить Ялту с севера на юг. Длина туннеля — шесть и два километра. Но зато на глубине девятьсот метров. Сначала идет по Таврике, с севера, входит в верхне-юрские лесники, а потом выходит в Таврику и Ялту. Вот такой проект был. Бурение скважин на девятьсот метров, на пятьсот — вообще в горах там невозможно, в те годы не умели бурить ничего. И вот местные геологи, которым поручили, собрали весь материал, по Муратову, по известным...

Ю.С.: Он у нас преподавал, я у него еще застал, учился...

В.Х.: Он там самый главный был, Муратов. Любил Крым. Но он все «философские» геологические разрезы строил там. На глубине три километра и больше. *(Усмехается.)* Ну неважно. Во всяком случае, наши геологи из Симферополя, у которых был руководитель Иванов Борис Николаевич, хорошо знал Огильви, хорошо знал нашу кафедру. Он говорит: «А давайте попробуем опережающую разведку сделать геофизическую, мы вам будем помогать, а геологическую — вы пускайте геофизиков, поскольку никакое бурение никто не хочет организовывать: дорого!» И быстро начал проект составляться. По Муратову составили проект. Там все очень просто было: известняки и все. А Иванов — доцент Симферопольского университета — решил взять геофизику. Но поскольку денег, естественно, не было, никто не давал, или очень мало давали, я решил практику сделать там.

Ю.С.: Со студентами?

В.Х.: Со студентами. Они поработают там недельку на полигоне, натаскаются, потом везу на Ай-Петри... представляете Ай-Петри?

Ю.С.: Да, конечно.

В.Х.: Там же двадцать километров дорог. Надо было просветить массив на глубину девятьсот метров. Естественно, летом, во время практики. И вот мы удивительный придумали метод: там очень сильное искажение рельефа. Горы, представляете? И вот работаешь по хребту. Нормальные люди работают на земле, на озере, на реках — горизонтальный рельеф. А тут — абсолютно не горизонтальный. Искажающее влияние рельефа страшно большое. И поэтому нормальные геофизики тех лет...

Ю.С.: Не могли.

В.Х.: Не то что не могли: невозможно! Поэтому, когда мы взяли проект, Огильви взял на себя ответственность, какие-то рецензенты сказали: «Так не должно быть, потому что не может быть». Денег очень мало мы просили, тем более, я думал, за счет практики, в основном. Студенты бесплатные... только проезд туда-сюда. Короче говоря, потрясающая эпопея была. Четыре года я кантовался. Вот Ялта, вот Ай-Петри, вот склон. И вот тут, на глубине девятьсот метров, надо было сделать опережающую разведку. Студентов я завозил вот сюда, в село Счастливое, а тут — Васильевка, в Ялте. Может быть, слышали? Васильевка. Ну неважно. На выходе у Ялты. В пяти километрах... Четыре километра до угла. А тут — село Счастливое. Короче говоря, тут мы сделали базу, и туннель начал потихоньку идти отсюда и отсюда. Поскольку это довольно тяжело, он шел очень медленно, и геологический предварительный материал, который был...

Ю.С.: То есть горные работы уже начались?

В.Х.: Пошла работа!

Ю.С.: Пошла...

В.Х.: Тут пошла таврика. Таврика, средняя юра, все ясно. Хорошие крепления надо, все сыпется, все валится. Хорошей бригадой были, отличной. Бетонированный туннель... Он очень маленький, гидротуннель называется, поэтому очень маленький.

Ю.С.: То есть диаметр небольшой, да?

В.Х.: Два метра высотой и метра два шириной. Никакая машина не проходит, только вагонетки. Поэтому никакой геологии, наплевать на геологию, вот тут, так сказать, таврика, таврика — пошли. Короче, тут таврика, это ясно как божий день. А контакт — где-то контакт есть, фиг его знает. Идем по таврике. По проекту была километра три таврика. Проект сделан, деньги получили, и пошел туннель. Медленно и плохо, течет вода, таврика мокрая, как всегда...

О.Г. и М.Г. Поповы на зимней студенческой практике работают с прибором, регистрирующем жесткое космическое излучение в Кунгурской пещере для оценки плотности пород и наличия пустот над ней. 1964 г.

Ю.С.: Да-да.

В.Х.: Всегда почему-то она мокрая. А поскольку туннель наклонен вот сюда — вся вода под ногами, болото, болото. Ну, строители получали, наверное, хорошо. Работали потихонечку, потихонечку. Ну, мы первые годы начали отсюда, ползали по склону. Отвели здесь, но здесь все оказалось очень просто, тем более не страшно: если и будет прорыв — вода пойдет вниз. А вот тут, не дай бог, вода будет большая, все затопит, и никакого туннеля не будет. Поэтому мы сосредоточили работы на северном участке.

Это наклонный четырехкилометровый профиль, рельеф. Протянули провод, девять километров. Заземление сделали очень хорошее. Сюда генераторная группа электроразведочной станции на ялике выезжала. И вот мы просветили эту гору. Весь массив был трехкратно, трехмерно обследован. На постоянном токе, к сожалению... но это тоже неплохо. Получили геоэлектрический разрез, продольный и поперечный, по туннелю и чтобы для контроля... Три профиля сделали: по туннелю и еще профиль параллельно, пятьсот метров. Так профиль, к центру туннеля, и вот так профиль. Этот километр тридцать. А там, знаете, надо разносы делать, чтоб станция въезжала, генераторная группа, десять-двадцать километров. Тут, слава богу, были шикарные условия... Не шикарные, а, конечно, тяжело там было... Никитская юра, а потом ялтинская юра, айпетринская юра, представляете?

Ю.С.: Да-да.

В.Х.: Короче, там с горем пополам можно проезжать.

Ю.С.: Телефонов мобильных в то время не было: вся эта связь — это кошмар! *(Смеется.)*

В.Х.: Не-ет!.. Нет, у нас на станции была телефонная связь: эти же провода служили телефонной связью. Подключаешь питающую линию, и по телефону с Ялтой... У нас к станции приложены телефоны такие, военные обычные, знаете, телефоны. Так что база у нас была здесь. И вот у нас три вида работ. Из Прохладного беру студентов. По очереди, там у нас двадцать человек, я беру человек семь. Неделю поработали, спускаются на отдых. Другая бригада. И вот так этот профиль мы отработали, за два сезона, но отработали и получили разрез на глубине до трех километров. А туннель девятьсот метров. Мы вот тут нашли таврику, кстати сказать. А тут средняя юра известняка. Вот эта глубина никому не была известна. Ну неважно. То есть не то что не важно, а мы обнаружили глубину даже с запасом два километра. Два километра таврики. А тут вот верхняя юра, верхнеюрский закарстованный, трали-вали. Значит, вот эта работа. Таким просвечиванием продольным просветили часть. А вот по этим профилям тоже удалось просветить. И самое страшное — контакты таврики с известняками. Вот этот контакт. Потому что это яма, и она, конечно, полностью заполнена водой, особенно внизу. И стоит только войти сюда — туннель уже затопило бы.

Ю.С.: Затопило бы.

В.Х.: Так вот, хитрый метод — я был начальником партии, Огильви был в Москве. Все это мы придумывали там как науку. Короче говоря, просветили гору, выявили, на полутора километрах доказали, что здесь, по сбросу, проходят известняки. Это таврика. Сказали: «Это самая опасная часть». Здесь тоже определили, но сказали: «Не опасно, вода уйдет, фиг с ней».

Ю.С.: Ну да.

В.Х.: А тут — сразу затопит. Довольно большой уклон там.

Ю.С.: И как с этим справиться, что делать?

В.Х.: Слушай дальше. Я сказал строителям, отчет написали. С нами работали геологи, они честно собирали образцы. Керн делали... Все было по-честному сделано, там объясняли по всем аномалиям, она оказалась здесь. Короче говоря, мы с Ивановым дали команду строителям: «Топайте спокойно полтора километра. А тут сделайте бетонную перемычку». Вот так, бетонная перемычка. Туннель облицован бетоном, вагонетки все время бегают, строители отработывают взрывными работами. Отстреляли — вывезли грунт, отстреляли — вывезли. Такая вот работа. Все как обычно. Мы сказали: «На полутора километрах будет контакт, обводненный совершенно точно, и геологический». Физический контакт показывается. И ставьте бетонную перемычку. Тогда будет все спокойно. Они почему-то нас послушали. Да, а зимой каждый месяц мы выезжали на подземные работы. Просто беру студентов, снимаю с занятий на три дня, говорю: «В Ялту махнем?» И мы работали, все время вели опережающую разведку. Ставили работы, как бы смотрит электроразведка вперед, на сорок — пятьдесят метров. Такой есть метод опережающей разведки. Мы на земле подтвердили и на опережающей разведке подтвердили. Вот как получилось. Прямо сказка какая-то!

Ю.С.: Сказка.

В.Х.: Полтора километра мы дали прогноз, примерно тысяча четыреста девяносто метров. Подошли строители, пошла вода, довольно сильная. Заложили взрывчатку — убежали, отошли.

Как взорвали забой, как хлынет сто пятьдесят кубов в секунду! Они еле-еле добежали до перемычки, она была сзади на сто метров. Закрыли ворота, и вода там осталась. Потом четыре месяца откачивали воду.

Там трубы были, насосы были, откачали воду и дальше пошли. Это целая эпопея. Случай уникальный в те годы был. Первый случай, который спас... если б затопило этими сбросами, во-первых, погибли бы все. Во-вторых, вода бы затопила, некуда деваться...

Ю.С.: Люди бы погибли.

В.Х.: Все бы погибли.

Ю.С.: Да.

В.Х.: Так мы за четыре года, с помощью студентов, на халяву почти... (*Смеется.*) Я-то тоже ничего не получал...

Ю.С.: А вот это настоящий энтузиазм! Без энтузиазма такие вещи не делаются!

В.Х.: Мне надо было студентов направить, чтоб они думали, материалы собирали... Потом сколько лет я, сколько раз ходил по этому склону, по лесному склону до Ялты. Туда туристы за счастье считают [попасть]. А я там десятки раз прошел, потому что провода, и периодически надо заземлять. То здесь заземлить, то здесь заземлить... Вот так вот, просвет, постепенно ток пускать. В разные электроды, чтобы просветить весь массив. Короче, слава богу, эпопея кончилась. Прокричали «ура!», я собрал в ялтинском ресторане всю свою многолетнюю братию, напоил их, и закончили эпопею. (*Смеется.*)

Работа на кафедре. Современное положение вещей

Ю.С.: Скажите, а вот на кафедру вы пришли. Как складывалась жизнь на кафедре?

В.Х.: Мне дали сразу общежитие. Потом женился — дали квартиру в этом здании.

Ю.С.: Да?

В.Х.: Да. Жену я четыре года назад похоронил. Ну жил, в общем-то... Жил работой. То ли дома, то ли на работе, я не понимаю разницы. Я лучше себя тут чувствую, чем дома. Тем более сейчас. Поэтому постепенно — был сначала инженером, потом младшим научным сотрудником, старшим научным сотрудником, ассистентом, доцентом, профессором, завкафедрой. А сейчас — заводделением, две кафедры у нас. Я заводделением геофизики на геологическом факультете. Шестьдесят лет сижу на этом месте, за этим столом, и всё студенты... Студентов у нас двести человек. Создали мы в Калужской области, там фотография есть, мировой полигон. Из Крыма студенческую практику перевели в Александровку...

В Крыму с женой Надеждой Васильевной. 1960 г.

Ю.С.: В Калужской?

В.Х.: В Калужской губернии. Слышали?

Ю.С.: Знаю.

В.Х.: Там полигон... Нам дали — вернее, я выкупил на свою зарплату землю двадцать лет назад. Из Крыма нас выгнали, естественно.

Ю.С.: Что, двадцать лет назад можно еще было выкупить?

В.Х.: Вот как раз после этой заварухи, «бандитского переворота», как я называю, из Крыма нас выгнали. И вот я купил там за свои деньги...

Ю.С.: В Крыму же осталась практика?

В.Х.: Осталась геологическая. А геофизиков выгнали. Те же геологи выгнали. Очень тяжело таскать студентов, дорого, машины, техника. И поэтому третья практика... первая осталась, вторая осталась. А третью, геофизическую, выбросили сюда. Куда деваться? Мне проректор заявил ровно двадцать лет назад, после «революции бандитской»: «Я предлагаю геофизику закрыть...»

Ю.С.: Чего?!

В.Х.: «...потому что она дорого стоит». И то правда: геофизика в три раза дороже, чем какой-нибудь юрист, экономист. И мне сказали: «нам нужны юристы-экономисты и ваша площадь, а вы убирайтесь отсюда вон!» Это было сказано в 89-м году — или в 90-м, не знаю.

Ю.С.: В смысле площади здесь нужны?

В.Х.: Да.

Ю.С.: А-а...

В.Х.: Нужны юристы, экономисты. Это план такой, эпопея гайдаровская... Нужны юристы, экономисты. А геологию закрыли тогда...

Ю.С.: Геологию — да, всю тогда закрыли...

В.Х.: Геофизику тем более закрыли. И поэтому решили геофизическую кафедру прикрыть. Убрать опять во МГРИ...

Ю.С.: Что, серьезно было такое?

В.Х.: Абсолютно серьезно. Решение ректората... Не решение, а предложение ректората. Я не буду говорить, какой проректор, ректор говорил.

Ю.С.: Ладно, на его совести.

Александровская база геофизических практик геологического факультета МГУ. Лабораторный корпус, библиотека, общежитие. 2008 г.

В.Х.: Но я пошел, я уже был завкафедрой тогда, я пошел и отмятугал его. И сказал: «Мы никуда не уйдем». А поскольку проректор был геолог, он меня стерпел. И говорит: «Ну ладно, живите. Только денег у меня не проси. Ни на компьютеры...» — а тогда пошла бурная компьютеризация геофизики, двадцать лет назад. Вычислительный центр уже работал на геофизику, но все равно было мало, переносные компьютеры появились. А у нас же аппаратура — все на компьютерах. Все приборы сейчас компьютеризированы.

В цифровой форме информация, подается прямо информация в машину.

Ю.С.: Так уже нефть шла, как бы сказать, какая же нефть без геофизики?!

В.Х.: Нет, понимаете, нефть шла — там сейсморазведка, она само собой работала и сейчас работает, но все-таки это оказалось никому не нужным. Ни нефть, поскольку нефти мы добыли с запасом таким, что еще хватит на пятнадцать лет. Все было сделано. Сейчас только продают. Откачивают и продают. Сейчас же ничего не надо нового практически разведывать. Фирмы, которые получили концессии на землю, они только ведут...

Ю.С.: Хорошо, но инженерная геология — она же вся на геофизике?

В.Х.: Я говорю, вот вы упомянули нефтяную. Нефтяная — она живет хорошо, и она закрыта у нас, потому что это дорого, это сейсморазведка. А запасы есть, еще есть запасы. То есть откачивают и крадут...

” Сейчас главное — бурить скважину, откачивать и вывозить за границу. Больше никаких проблем нет у монополистов, которые захватили все наши недра. А инженерная геология, гидрогеология — тут надо все время быть на ходу.

Значит, археология примкнула еще. Поэтому малоглубинная геофизика... Я малоглубинной называю все, кроме нефти. Инженерная геология — это у нас специалисты говорят: малоглубинная геофизика.

Ю.С.: Понятно.

В.Х.: Вот я в основном малоглубинной геофизикой [занимаюсь], нефтью я не занимаюсь. Когда мне начальство сказал: «Пошли вон отсюда!» Я сказал: «Вы бы пошли вон. Мы не уйдем никуда». — «Тогда ищи деньги». А к тому времени уже была тысяча выпускников моих. Я с письмами... среди них один миллиардер был. Я раз письмо, другое письмо...

Ю.С.: То есть вы писали, реально?

В.Х.: «Помогайте». Писал, звонил, ходил. Может быть, даже слышали, ныне покойный — Рудяк Миша.

Ю.С.: Не слышал.

В.Х.: Он, вообще говоря, геофизик, мою кафедру кончал. Я его спас от исключения в студенческие годы, он меня поэтому любил. И стал миллионером, строителем. Он «Метрострой» строит... изыскания под свои сложные подземные сооружения. Он строил метро на Киевском вокзале, Сити, две линии метро, это его личное, личный вклад. Свои силы. Он был геолог, геофизик по подземным изысканиям сложных фундаментов сооружений. Со временем уйдет вниз вся промышленность, складские помещения. В приличных столицах уже подземное пространство — обычный город, все там: и заводы, и складские помещения. Хотят через сто лет сделать это и в Москве. А на земле будет только рекреация, жилье, что-то такое. Короче, такие традиции. И эта подземная геофизика, инженерная геофизика, глубинная, не нефтяная. Она будет развиваться и развивается сейчас, много заказов идет, работают кафедры, студенты работают.

Ю.С.: Но как же вам удалось спасти?

В.Х.: Так я взял десяток миллионеров своих и сказал...

Ю.С.: Выпускников?

В.Х.: Выпускников. Стали миллионерами.

Ю.С.: Десяток — это много!

В.Х.: Нашел адреса, нашел телефоны, десятки... Один миллиардер, который меня сильно спас. И начал их обзванивать: «Нас закрывают! Спасите!» В приличных американских странах выпускники помогают своим вузам. Государство с них снимает налоги, помогает таким миллиардерам содержать свои alma mater. Такая традиция в приличных, хороших... Все выдающиеся вузы, которые на первом месте в мире, иностранные, все они живут на семьдесят процентов за счет миллионеров. На девяносто процентов. Им государство дает только помещение, землю и что-то такое. Как и у нас. Зарплату, и все.

Так вот, я эту идею начал пробовать, уже двадцать лет пробиваю. Ну и там целый город у меня, и ничего, барский дом для преподавателей — чтоб преподаватели там сидели три месяца, я им устроил условия идеальные! Номер на два-три-четыре человека, с душем, теплом, туалетом. И преподаватели там сидят три месяца. Первый, второй курс там практику проходят. Третий курс. Геофизики проходят. Студенты МГРИ проходят там практику, МГРИ все разваливается. Студенты «Дубны», такой есть университет «Дубна».

На юбилейной встрече декан геологического факультета МГУ академик Д.Ю. Пуцаровский и руководитель ЗАО «Объединение ИНГЕОКОМ» профессор МГУ М.С. Рудяк. 2004 г.

Ю.С.: Я знаю, там зав. кафедрой Милановский...

В.Х.: Кузнецов... нет, там Кузнецов.

Ю.С.: Кузнецов — да. А Милановский — я там был, там табличка «Милановский».

В.Х.: Сейчас там Кузнецов командует, он у меня профессором на полставки. Я начальник у Кузнецова, между прочим. *(Смеется.)*

Ю.С.: Понятно. *(Смеется.)*

В.Х.: А он президент РАЕН, знаете?

Ю.С.: Да?!

В.Х.: Он Президент РАЕН. Послезавтра приходит ко мне читать лекцию, буду с ним собеседование вести. Короче говоря, благодаря спонсорам, и один мне доцент, Яковлев Андрей, доцент кафедры... Имеет свою

геофизическую фирму собственную, по малоглубинной геофизике. Крупная геофизика, инженерная, гидрогеологическая.

Ю.С.: То есть удалось это сделать?

В.Х.: Вот он главный. Он, грубо говоря, на восемьдесят процентов профинансировал все это дело. Сто — двести миллионов за двадцать лет вложили в это дело. Построили четыре корпуса...

Ю.С.: Сколько?!

В.Х.: Сто пятьдесят миллионов рублей.

Ю.С.: Ну, понятно. Все равно громадная сумма!

В.Х.: По десять, по пять миллионов в год, на двадцать лет... пять на двадцать... ну, я не знаю, сколько.

Ю.С.: Громадная сумма!

В.Х.: Я уж сейчас не помню, у кого я брал, у кого просил... Причем, я деньги не просил ни у кого. Я говорю: «Привези мне кирпича сто тонн, поставь черепицу. Проведи мне канализацию, водоснабжение, все»...

Ю.С.: Ну что, Садовничий не помогал?

В.Х.: Нет, Садовничий — я все вокруг него ходил много лет. До него дошло, Трофимов бывал, другие проректора были, увидели, что тут совершенно потрясающий город построили ни за что. И тогда однажды Садовничий мне разрешил, по контракту, который я выбил, полтора миллиона, пробурить скважину в Белой, сто пятьдесят метров, с отбором керна, что-то там, каротаж, полностью отбор керна, чтобы геологам, геофизикам там все было ясно как божий день. Вот от ректора я только [получил] и то заработал деньги сам, по контракту, чтобы он разрешил этот контракт использовать именно на бурение. Это вот такая, косвенная помощь ректората.

Ю.С.: Да... негусто.

В.Х.: Это человек такой...

” Вот я поставил перед собой: пока сижу на этой должности, чем хуже будет вокруг и сверху, тем лучше должно быть у меня. Пока я начальник, по крайней мере.

Ю.С.: Это же фантастика какая-то! Скажите, а с «Фундаментпроектом» вы никак не сотрудничаете? Там же инженерная геофизика?

В.Х.: Нет, она сохранилась...

Ю.С.: У меня там товарищ — начальник партии геофизической.

В.Х.: Там и мой профессор, Марьин Игорь Владимирович, мой ведущий преподаватель по малоглубинной — он там работает фактически...

Ю.С.: Однокашник мой! Он там начальник геофизической партии.

В.Х.: Нет, единственный институт «Фундаментпроект», немножко «Гидропроект» еще чуть-чуть держится. Все остальное — государство уничтожило. Только частные фирмы. Вот Яковлев — частная фирма. Он проводит геофизические работы столько же по объему, как в Советском Союзе, по глубинной разведке.

Ю.С.: Частная фирма?

В.Х.: Частная фирма. Доцент кафедры. Я смотрю на его пребывание вот так, сквозь пальцы. Он приходит

только читать лекции, три раза в неделю. Больше я его не вижу.

Ю.С.: Ну читает и читает. А что еще нужно?

В.Х.: Надо сидеть, учебные планы писать, работать со студентами...

Ю.С.: Ну, это понятно, это понятно...

В.Х.: Я смотрю сквозь пальцы, где он: меня это не колышет. Главное, чтобы он здесь построил. И не приезжал туда. Потому что приехать кому — есть. Там такие условия созданы, что молодежь, аспиранты с удовольствием сидят три месяца там, а в остальное время работают на бизнесе на каком-нибудь. Я их никого не вижу. Я тут сижу один на кафедре, все на бизнесе. Если узнает начальство... вы не говорите.

Ю.С.: Да ну.

Скважина с отбором керна для проведения геолого-геофизических исследований, пробуренная на Александровской базе геофизических практик геологического факультета. 2008 г.

В.Х.: Не говорите никому, что меня давно надо выгнать с работы...

Ю.С.: Да ну, конечно.

В.Х.: Это я знаю, что меня давно надо выгнать с работы. *(Смеется.)*

Ю.С.: Орден вам надо, один, второй, третий.

В.Х.: Но меня просто по возрасту трудно выгнать. Я и так скоро уйду сам.

Ю.С.: А скажите, пожалуйста: вот все жалуются... Даже не то что жалуются, но у меня в семье много преподавателей. Химики в основном. В МАИ, в Менделеевском. Из нашей группы один парень сейчас завкафедрой в МГРИ. Кафедра исторической геологии. Сашка Туров.

В.Х.: Все еле дышат. Все еле дышат.

О современных студентах

Ю.С.: С одной стороны, «еле дышат», а с другой — студенты стали... Вот вы говорите, вы учились... Мы еще учились, я поступил в 73-м году, через пять лет после школы. А сейчас — у нас, из моей группы, — преподаватели на кафедре минералогии, на исторической геологии. И беда в том, что нет студентов, которые хотят дальше работать по специальности. Какая-то бессмысленная ситуация.

В.Х.: Противоречие между геологией и геофизикой. У меня отбоя нет от мест!

Ю.С.: Seriously?

В.Х.: Геологи рвутся на мои геофизические практики... Трофимов... Знаете? Он меня прокликает...

Ю.С.: Да-да. А вот книжка такая, вот...

В.Х.: Прокликает меня за то, что я лучших студентов маню туда, поработать только, бесплатно, посмотреть, что такое геофизика. За то, что они едут в свое время на практику, Трофимов меня презирает, хотя я его люблю очень. То есть вы понимаете...

Ю.С.: То есть у вас что? У вас есть нормальные студенты?

В.Х.: Нормальные студенты. Первокурсники — золото! Я сам отбираю. У нас на факультет принимают двести человек, так? На кафедру надо сорок отобрать, на геофизику. Из двухсот примерно шестьдесят—восемьдесят хотят на геофизику. Они же прошли на факультет. Они же все баллы набрали. Пишут: «Геофизика». Тогда я что делаю? Беру... Давайте по скромности: в этом году шестьдесят было. Мне надо сорок. Я двадцать человек отправляю в гидрогеологию, геологию, геохимию... И поэтому конкурс, и качество высокое.

Ю.С.: А соотношение бюджетного и небюджетного?

В.Х.: Я так считаю: бюджетного финансирования — минимум, максимум — сорок процентов, тридцать. Семьдесят — восемьдесят я получаю на стороне.

Ю.С.: Это вот бюджетное. А в смысле студенты, которых вы берете? Они у вас бюджетные, небюджетные?

В.Х.: Только бюджетные. У нас никто не идет... один-два человека.

Ю.С.: То есть у вас бюджетные в основном?

В.Х.: Абсолютно бюджетные.

Ю.С.: И студенты действительно хорошие?

В.Х.: Хорошие. Первокурсники...

Ю.С.: Первый курс — все хорошие. А дальше становятся...

В.Х.: А дальше они, так сказать, привыкают. Но самое главное — отобрать лучших. Все золотые медалисты у меня.

Ю.С.: И вы со всеми беседуете?

В.Х.: Нет. Беседую с личными делами. *(Смеется.)* Мне приносят шестьдесят дел и говорят: «Из них выбери сорок». Те, у которых очень высокий балл, — автоматически геофизики. А у кого балл средний...

Ю.С.: Сейчас же, понимаете, какая ситуация с этим, с ЕГЭ — там какие-то жульничества...

В.Х.: Жульничеств полно, но у нас экзамен отборочный есть. Есть экзамен по математике. У всех: и у геологов, и у геофизиков.

Ю.С.: Дополнительный?

В.Х.: Да. Дополнительный к ЕГЭ. Геологу надо решить одну-две задачи. А геофизику — три-четыре задачи из десяти возможных. А десять — мехмат. Семь — физфак. Шесть — геофизика. Два — геология. А ЕГЭ у нас, так сказать, привешено сверху. Ну присматриваем, чтобы не отклоняться. Потому что, если у всех высокая, она либо купленная, либо... идут все хорошие. А экзамен — сразу отсеивается половина. Сразу двойки. Две решено задачи — на геологию. Три-четыре — на геофизику. Четыре-пять — на физфак. Шесть-восемь-десять — на мехмат и ВМК. Многие хорошие выпускники у нас на физфак уходят. Все остальные — к нам. Получил высокие баллы — и пошел на физфак. Кто-то на мехмат ушел, третий на ВМК. *(Смеется.)* Я отбираю только геологию, кормлю... подкармливаю геологов. Те, которые средний балл, на физфак не берут их, на геофизику не берут тоже — а на геологию он прошел.

Ю.С.: Ну, геология — так, да.

В.Х.: То есть переходный период.

Ю.С.: Сейчас очень сложно со студентами. Сложно.

В.Х.: И с распределением сложно. Поскольку нет финансирования геологии...

Ю.С.: Распределения вообще никакого...

В.Х.: Распределения никакого. Просто у меня большие связи с выпускниками, полторы тысячи...

Ю.С.: Скажите, а в последние годы из ваших выпускников по специальности идет народ работать?

В.Х.: Идет. Сначала, после пятого курса, после магистратуры, шестой курс, восемьдесят — девяносто процентов. Потом постепенно расплзаются. Восемьдесят процентов проходят на геофизику. Заранее мы их пристраиваем, по знакомству, в фирмы. Лучшие головы с третьего курса фирмы иностранные вербуют, проводят периодически. Иностранные фирмы, работающие в России. Проводят периодически совещания, собрания студентов третьего, второго курса. Потом анкетируют их. Я не видел ни одной анкеты, но, наверное, анкеты проверяет ЦРУ.

” Сидит зал, сто человек. Берут сто анкет и уходят. И думают две недели. Вызывают пять человек на собеседование. Из ста. Остальные — не знаю, просто идут в архив куда-нибудь.

Вызывают, начинают беседовать. Если им понравится — они начинают им доплачивать стипендию. Они учатся, там, материал им дают для дипломных работ...

Ю.С.: Как обычно.

В.Х.: Как обычно все делается. Нашими силами мы их учим, учим, потом они их берут, быстро везут в Англию, учат какому-нибудь одному методу. Ведь всего сто методов геофизики есть. Мы пытаемся... ну не ста, а пятидесяти обучить, особенно на практике.

Ю.С.: Ну да.

В.Х.: Нигде в мире нет, чтобы двадцать-тридцать методов геофизики, включая каротаж скважин

всевозможных. Со скважиной — пятьдесят методов. То есть он быстро, за месяц, точнее за два месяца, он все понимает, все почувствует.

Ю.С.: То есть ваши студенты котируются.

В.Х.: Все почувствует. Пускай ничего не понимает, пускай он не знает и забудет, тут же забудет. Но он знает, что он работал на таком-то методе, решал такие-то задачи. И когда-то он вспомнит, как это делается. Поэтому нас выручает такая шикарная практика, потому что в учебном процессе все надо делать... Это раз. А потом, много частных фирм, которым надо колодец построить, что-то построить, это малоглубинная геофизика, и нет проблем с распределением, конечно. А потом, поскольку у них хорошая математическая подготовка, они могут работать в банках. Вот Рудяк... Рудяк все-таки был геологом, а не геофизиком подземным, миллиардер который. А миллионеры, так сказать... руководители банков, руководители фирм...

Ю.С.: Это хорошо, но как-то не то.

В.Х.: Так еще что! Зато всем хорошо, кто сидит сверху. Им очень хорошо.

Ю.С.: Скажите, а с преподавателями какая ситуация? Вот в Менделеевском, у моего дяди, прошу прощения, младше шестидесяти лет один человек.

В.Х.: А тут я один. А тут я один на сорок человек.

Ю.С.: Как это?

В.Х.: Совсем другая кадровая политика.

Ю.С.: А как здесь?

В.Х.: Я вам скажу. Только вы никому не говорите. Я разрешаю работать на трех работах. Где угодно, когда угодно.

Ю.С.: Но сейчас многие так разрешают: сейчас нет другого выхода.

В.Х.: Ну почему? Может быть, а ректор не разрешает.

Ю.С.: Ну ректор — да. Есть знакомые в Оренбурге, там географ, зав. кафедрой. Это просто кошмар: все время уходит бумаги писать, писать, писать...

В.Х.: Конечно, бумаги — это специально, чтоб выжить слаонервных! Это для слаонервных делается. Вот если б у меня нервы были слабые, я бы давно бросил эту кафедру. Мне сейчас прислали по реорганизации, я только посмеиваюсь на это дело: наверное, что-нибудь сделаем, как-нибудь сделаем.

О своих преподавателях

Ю.С.: Понятно. Так как с преподавателями-то?

В.Х.: Все возрасты есть у меня.

Ю.С.: Все возрасты?

В.Х.: Есть профессора молодые, сорок пять — пятьдесят лет. Есть доценты: двадцать, тридцать, сорок лет.

Ю.С.: Где их вы берете?

В.Х.: Из своих выпускников. Я их знаю как облупленных. Ведь работая на практиках, каждый преподаватель по десять часов в день целый месяц живет с ними, питается вместе, живет вместе, он знает как облупленного. Поэтому получается общественное мнение о каждом студенте. И вот этот студент, я преподаватель. После практики. Кого мы возьмем на заметку? Этот ушел в фирму, этот ушел... потому

что лучшие всегда уходят.

Ю.С.: Понятно.

В.Х.: Давайте из средних формировать аспирантуру и магистратуру. Одних в аспирантуру, других — в магистратуру. И так вот, поскольку настолько хорошо знают... Все-таки, понимаете, жить вместе.

Ю.С.: Ну да.

В.Х.: Камералка — там компьютерные классы были шикарные! Значит, они ночь камералят, днем работают. Ночью камералят, до двенадцати ночи. Питание бесплатное, вот такое вот! Все за счет спонсоров. Факультет на питание дает пятьдесят рублей, а оно стоит двести пятьдесят. Все мои деньги, откуда-то полученные. Откуда — неважно.

Ю.С.: Ну отовсюду.

В.Х.: Вот сейчас еще одна проблема. Наша кафедра была открыта в 44-м году, и в 2014-м году, если я правильно понимаю, ей семьдесят лет. А закончило две тысячи двести человек с гаком, не считая десятка кандидатов, десятка докторов наук. Я хочу всех собрать выпускников, живых, конечно, и двигающихся, на очередной десятилетний сабантуй. Каждые десять лет я собираю. Десять лет назад я девятьсот человек собрал.

Ю.С.: А где?

В.Х.: В «Рэдиссон-Славянской». Знаете?

Ю.С.: Да-да.

В.Х.: А знаете, кто оплатил? Рудяк, миллиардер. Оплатил все питание. А я остальные деньжата немножко собрал на всякие мелочи, книги, издавал журнал... Вот как мы в этом году будем — не знаю. Я все пытаюсь брать взнос тысяча пятьсот рублей, две тысячи пятьсот рублей на ресторан, но...

Ю.С.: Это посильно.

В.Х.: Это посильно, но все-таки это кого-то отсеет.

Ю.С.: Нет, это посильно, нет-нет, посильно.

В.Х.: И потом нахожу спонсоров. Один спонсор берет значки. Тысячу значков делает «С юбилеем!», значки шикарные придумал. Другой будет издавать книжки.

Ю.С.: История кафедры.

В.Х.: Нет, это я все пишу за свой счет. Короче говоря, я еще борзыми щенками беру. Книгу издать, сборник издать. Пригласительные билеты бесчисленные, приглашения, извещения: это сколько уходит денег! Вот это все, беру деньги на это. А самих людей на банкет...

Ю.С.: Ну еще приехать же! Самое главное — народу приехать!

В.Х.: Нет, с другой стороны, их две тысячи двести... ну, пускай пятьсот не будет: тысяча семьсот есть, наверное, живых. Из них пускай тысяча пятьсот...

Ю.С.: Просто из других городов приехать, остановиться...

В.Х.: Приехать нельзя? Я посмотрю, если доживу до мая...

Ю.С.: А когда вы собираетесь?

В.Х.: Май месяц. 23-го мая. Все, у меня документы пошли...

Ю.С.: Да? 23-го мая?

В.Х.: Кучу всяких документов я готовил, посылаю, рассылаю: ведь нужны большие связи, чтобы сделать... Я весь отпуск просидел, составляя связи и находя помощников. Примерно пятьдесят человек помощников.

О магистратуре

Ю.С.: Ну хорошо. А вот еще такая вещь: ситуация с магистратурой... Я так и не разобрался. Что это такое для вас? И — хорошо, плохо? Чем хорошо, чем плохо? Потому что чертовщина какая-то.

В.Х.: Первое. Мы первыми [ввели] магистратуру десять-пятнадцать лет назад. И я сказал: «Никаких проблем не делать, ничего не менять! Все то же самое, только было пять лет обучения, мы шесть лет придумали обучения».

Ю.С.: Ну, как «ничего не менять»? Еще же год...

В.Х.: А зато шикарная практика у меня есть! Есть преподавательский состав хороший любого возраста! И потом связи есть, куда направлять ребят. Поэтому приличные дипломные работы, магистерские...

Ю.С.: И по содержанию мало что поменялось?

В.Х.: Я наплевал на все, что они придумают. Мне «Болонская...» — терпеть не могу даже название это, но... Ну а чего? Я делаю так, как было. Ничего не меняю.

Ю.С.: Понятно. А скажите, сколько людей идет...

В.Х.: Чувство юмора надо иметь, и все...

Ю.С.: Чувство юмора спасает. А скажите, сколько народу идет, там же три курса, что ли.

В.Х.: Три курса, да.

Ю.С.: Сколько дальше продолжают?

В.Х.: А, практически девяносто процентов. Магистрантов у нас восемьдесят пять процентов, шестой курс.

Ю.С.: То есть продолжают.

В.Х.: И аспирантов десять процентов. То есть продолжают... шесть лет железно. Можно четыре года. Бакалавр — четыре года. Можно взять диплом и уехать. Таких единицы или вообще нет. 0—1 человек.

Ю.С.: То есть продолжают нормально?

В.Х.: Продолжают пятый, шестой курс магистратуры. Потому что они ничего не знают, чтобы получить два диплома: бакалаврский и магистерский. Я же ничего не изменил, только чуть-чуть расширил учебный план. И действительно, они магистерскую работу [пишут] через шесть лет — она очень хорошая. Иногда примерно равна кандидатской. Хорошие ребята, на хороших объектах, при хорошем материале... у них такие материалы, что...

Ю.С.: А это был мой следующий вопрос. Потому что сейчас уровень дипломных работ страшно упал! А у вас...

В.Х.: Во всяком случае, я не считаю, что страшно. Иногда упал, а все остальное зависит от людей. У нас набор хороший. Трудно отличника сделать плохим человеком. Можно сделать, конечно...

Ю.С.: Да им надо уже не учиться, а все время деньги зарабатывать. Им некогда учиться.

В.Х.: Понимаете, все-таки, у нас люди побогаче, москвичей половина, как-то родители содержат.

Ю.С.: Все-таки как-то учатся, да?

В.Х.: Это раз. А потом, честно говоря, судя по тому, как я жил, я могу и работать, и учиться. Почему они не могут работать и учиться сейчас?

Ю.С.: Я учился — я подрабатывал. Моя жена все годы подрабатывала в институте.

В.Х.: Надо подрабатывать, чуть-чуть поддерживаться. Все-таки стипендия ничего, но надо подрабатывать.

Ю.С.: Подрабатывать. Но просто сейчас... в наше время было легче, что ли...

В.Х.: Кто его знает? Короче говоря, мне кажется, что жить можно.

” **Надо только с чувством юмора относиться к бюрократии, к бандитским законам, их постоянно стараться выполнять, но так, чтобы... без всяких выполнений.**

Ю.С.: Ну да, я согласен. Еще такая вещь: вот сейчас в газетах, во всех СМИ — масса каких-то диссертаций липовых, еще чего-то... Наверное, в вашей области это невозможно?

В.Х.: Конечно, я не ручаюсь, может, кто-то проскочил. Могут проскочить, знаете как? Человек уезжает работать в экспедицию, там добрый руководитель, дает материалы, дает идеи. И когда он приезжает к нашему руководителю, который, может быть, отстаёт от производства, он, так сказать, поподсказывает что-то такое. И человек получает отличную работу. То есть я хочу сказать, что...

Ю.С.: Ну это не «липовая», это, как бы сказать...

В.Х.: То есть «липовых» никаких нет...

Ю.С.: Это на реальном материале.

В.Х.: Ну как в геологии «липовый» материал, если там сидит комиссия...

Ю.С.: Нет, в геологии это всегда было. Мой отец рассказывал: начальник управления, еще что-то, материалы, всегда они писали для Узбекистана, еще чего-то, для начальства. Для китайцев, для вьетнамцев. Для наших начальников.

В.Х.: Понимаете, я этой проблемы не вижу.

Ю.С.: То есть у вас такой...

В.Х.: Все по-честному, все идет по-честному.

Ю.С.: Вы же член, наверное...

В.Х.: Всех советов, всех методических кабинетов.

Ю.С.: Да. В этом смысле все по-честному идет...

В.Х.: Все идет по-честному, потому что...

Ю.С.: ...в вашей области, да?

В.Х.: Начиная с того, что люди очень хорошие. А, во-вторых, очень хороший у меня педагогический коллектив.

А самое главное — практики. Повторяю: два месяца пробыть с человеком — идиота можно сделать нормальным человеком. Когда он день и ночь работает, в поле, в дождь, клещи кусают...

Это наша жизнь такая, геологическая, она очень приспособливает. Масса полевых работ.

Ю.С.: Я согласен, согласен.

В.Х.: Учебная практика делает нового человека. Тем более он видит, что их стараются бесплатно кормить, шикарная кормежка...

Ю.С.: Знаете, для меня встреча с вами — просто какой-то...

В.Х.: Ну я аномальный человек...

Ю.С.: ...душевный подъем. Потому что я... Как-то уж больно сейчас тошно жить.

В.Х.: А мне еще не менее тошно, но я имею в виду чувство юмора — раз. И потом, работая немало лет начальником... Шестьдесят лет на одном месте, с 53-го года, мне удалось подобрать хороший коллектив. Есть академик у меня, Кузнецов — академик. Он прекрасных два курса ведет. Он читает введение в геофизику — мы вместе с ним читаем введение в геофизику. Есть еще несколько человек. Хуторской Евгений, может быть, знаете? Он геофизик. Геотермик.

Ю.С.: Слышал.

В.Х.: Ведущий геотермик России. Почасовую геотермику он читает. Никитин Алексей Алексеевич, выдающийся ученый, мгришник, кстати сказать, выдающийся нефтяник, выдающийся геофизик — он профессор у меня. У меня три профессора, я четвертый, и еще два человека. Всего пять профессоров на две кафедры, на отделение. Значит, пять профессоров, причем явно выдающихся. Кузнецов блестяще лекции читает геофизические. Как преподаватель — он блестящий преподаватель! Хуторской блестящий специалист по геотермике. А Никитин — уникальный специалист по нефтяной геофизике, по сейсморазведке. И вот пока они держатся — у меня есть хорошее ядро. Потом пять доцентов, по сорок пять лет, в среднем. Если бы не отменили докторскую защиту, я бы их вытащил на защиту. Закроют пока что... или вообще закроют ВАК, или докторскую защиту скоро закроют, что-то сделают. А то у меня на подходе четыре профессора, четыре доктора наук. Диссертации готовятся. Пять лет пускай готовятся. Потом у меня есть ассистенты. У меня есть магистранты и аспиранты. Аспиранты — пожалуйста, вот, на практике. Стоят один профессор, два доцента, один ассистент, один-два аспиранта, да еще магистрант!

Ю.С.: Послушайте, вот вы что-то такое сделали... в общем...

В.Х.: Да ничего такого...

Ю.С.: Нет, ну какая-то невероятная ситуация.

В.Х.: Просто она чем хуже, тем лучше.

Ю.С.: Чем хуже, тем лучше — ну хорошо. А после вас — устоит, нет? Неизвестно? Есть какие-то сильные люди?

В.Х.: После меня хорошие два заведующих кафедрой. Два заведующих кафедрой. Они видят меня и видят, что сколько я сделал. Развалить тут легко все, конечно...

Ю.С.: Развалить легко, да.

В.Х.: Но вы понимаете, все-таки традиции, школы. Научно-педагогические школы. Они все-таки как-то пошли... Я от них иду, делаю так, как они делали, поэтому...

Ю.С.: С одной стороны, как они делали, а с другой стороны — то, что вы — это было в вашем характере. Начиная с Нальчика, со школы. А спасение, грубо говоря, кафедры, этой специальности...

В.Х.: Понимаете, то, что я тут живу, то, что я... Мне университет все дал, я имею хорошие отношения с деканами, с Трофимовым... Ректор... Да, ректор — еще одна эпопея.

Ю.С.: Да, ректор своеобразный.

В.Х.: Нет. Мне все-таки тяжело с помещениями. В новые корпуса не хотят меня пускать. Зато ректор дал мне старые помещения, в старом здании МГУ, абсолютно разрушенные!

Ю.С.: В старом?

В.Х.: В старом здании МГУ, там четыре комнаты, полностью разрушенные, там складские помещения были. И говорит: «Сделаешь за свой счет ремонт — я тебе отдам». Я вложил пять миллионов рублей, и сейчас Научно-образовательный центр в старом здании. Правда, он только начинает функционировать. Завтра иду туда лекции читать. Магистранты уезжают туда, там пятнадцать компьютеров новеньких стоят. Спецкурсы для магистрантов мы читаем там, на Моховой. Это знаете, в каком корпусе? Зоологический музей знаете?

Ю.С.: Еще бы!

В.Х.: Вот в этом корпусе, в зоологическом. Там сейчас психфак. Филиал психфака.

Ю.С.: Ну да, одно крыло психфака.

В.Х.: На территории психфака, второй этаж, половина второго этажа — это мы. Они меня ругают... Я же там ремонт сделал, евроремонт. Они хотели отнять. А ректор говорит: «Нет, он заплатил денег, не трогайте его, пускай живет». (Смеется.) Так что у меня филиал есть. Поэтому, понимаешь, всякие такие условия создаю. Филиал... к сожалению, он только начинает работать, я в прошлом году закончил капитальный ремонт, зато уже пятнадцать магистрантов, первый день занятий, надо там провести собрание, и сразу же это дело включить. Во всяком случае, вертеться надо — раз, любить дело — другое, любить надо дело... а потом уж как-то...

Ю.С.: Но откуда такая закваска-то, запал такой?

В.Х.: Рабоче-крестьянская закваска, я из рабочей семьи, понимаете, так и воспитывался. Я по-русски стал говорить только в первом классе. Зато у меня в науке худо обстоит дело. Правда, у меня есть двадцать пять учебников...

Ю.С.: А почему худо-то?

В.Х.: Двести статей написал.

Ю.С.: А почему «худо»?

В.Х.: Потому что все-таки первое, главное для меня — учеба, второе — производство, а третье — наука. А у всех преподавателей наука на первом месте. На втором — что угодно, а на третьем — учеба.

Ю.С.: Должно быть и то, и то.

В.Х.: Соотношение разное.

Ю.С.: Да нет, в МГУ, в любом вузе, как бы сказать...

В.Х.: Все-таки геофизика — она очень сильно завязана на землю. Больше, чем даже геология. Тут так надо все время, столько идей идет из земли, на поле...

Ситуация с Академией наук

Ю.С.: Скажите, для меня просто, очень важно еще: ситуация нынешняя с Академией наук — все мы знаем: и то плохо, и то плохо...

В.Х.: Нецензурные слова.

Ю.С.: Вот, нецензурные слова. У меня тоже.

В.Х.: Поэтому тут очень просто, но единственное — ты где живешь, там и...

Ю.С.: А понимаете еще, в чем дело...

В.Х.: Был бы я академиком, я бы ушел из Академии. Ну, шестьдесят человек уйдут из Академии. Ну и очень хорошо. Всем хорошо.

Ю.С.: Ну и что? На самом деле сдались все. Надо было упереться.

В.Х.: Не только упереться...

Ю.С.: Это же то место, на котором надо было его окоротить...

В.Х.: Я считаю...

Ю.С.: Надо было на этом месте нашего главного начальника окоротить. Сказать, что есть вещи, которые нельзя [делать].

В.Х.: Все-таки он пошел на какие-то уступки...

Ю.С.: Да это же мелочи!

В.Х.: Это мелочи. Во всяком случае, Академию разгонят. Но я боюсь, что следующий этап будет за МГУ, скоро и нас разгонят. Чтобы такие помещения... Тут сколько можно продать!

Ю.С.: Это же бред какой-то!

В.Х.: Ну что? Сил воевать нет, враждовать не с кем. Все это одобряют, все «одобрямсы» говорят, значит, это кому-то нравится.

И вообще, в любом плохом что-то есть хорошее. Вот если так подойти к этому делу.

Ю.С.: В этом? Ну есть хорошее — только то, что чем хуже, тем лучше. Я в этом ничего хорошего не вижу, потому что это деморализация, деградация. Какое хорошее? Ничего в этом нет...

В.Х.: Понимаете, привыкнут, это привычка.

Ю.С.: Привыкнут, смирятся, но с чем смирятся? Это же была вещь... Что делают?! Я четыре статьи об этом написал на «Эхе Москвы». Я пытался там организовать какое-то сопротивление.

В.Х.: Я ничего не пытался делать, я знаю, что стена стоит перед нами.

Ю.С.: Хорошо, я вам расскажу напоследок вещь, вам она понравится. Вот вы спасли кафедру геофизики...

В.Х.: Дважды. Дважды спас геофизику.

Ю.С.: Вот, геофизику — а я спас здание МГРИ.

В.Х.: Новое? Нынешнее?

Ю.С.: Старое. На проспекте Маркса. Дело в том, что я тогда кончал учиться... Уже построили новый корпус

в Беляеве, и было решение Совмина о передаче его в НИИ Внешнеэкономических связей, Кадышеву. Был такой министр внешней экономики. Хотели сделать там салон автомобилей, еще что-то. Меня и моих однокашников очень сильно заело. Я был аспирантом тогда. Меня заело, и я организовал вахту социальной защиты МГРИ. Из самого МГРИ участвовали два человека: один парень с кафедры математики и Дима Белаковский, минералог. Остальные — выпускники, сорок человек. Мы тридцать дней стояли там по часу около здания и собирали: двести подписей я носил на телеграф Ельцину и двести Рыжкову, каждый день, исключая воскресенье. Страшно было — я не смелый в этом смысле. А это была первая ситуация в Москве, 1987 год, осень. И пресса была — большое внимание, еще что-то. И был тогда «Прожектор перестройки» — может быть, помните, такая передача была, Светлана Бестужева. Она приехала, ее заинтересовало, хотела снять [сюжет]. Она говорит: «Юра, кто [может сказать] из академиков-геологов?» Согласился Белоусов, я к нему ездил. Меннер Владимир Васильевич — я его знал. Я говорю: «Вот Хаин еще согласился». Она говорит: «Хаина нельзя, он еврей. Мне не разрешат показать». Короче, я был у Белоусова и у Меннера. К Яншину ходил, потому что я его знал: он мою бабушку знал, маму, он с моим отцом работал. Яншин при мне звонил Ягодину — министру образования. По вертушке. Тот говорит: «Ничего нельзя сделать». Яншин мне говорит: «Ничего нельзя сделать». Мы говорим: «Ну нельзя — нельзя, ладно». Нас это настолько заело... И ей не разрешили это показать по телевизору. А ее тоже заело. И она дошла до помощника Горбачева, а тот сказал Горбачеву. И Горбачев решил оставить, и сделали ГГМ имени Вернадского потом. А там еще включился в это дело, ну не сначала, а потом уже... Мы собрали собрание геологической общественности в 20-й аудитории, — говорят, такое было, когда вот Хрущева читали доклад [XX съезду]. И очень много людей участвовали.

В.Х.: А студенчество тех лет подключилось?

Ю.С.: Знаете, народ побаивался. Из многих управлений геологических бывшие выпускники подписывали, но боялись. Ну не все. Яншин потом включился, Соколов, еще несколько академиков. В общем, пошел такой навал. Там Минеев был завкафедрой минералогии, и он потом...

В.Х.: Стал президентом.

Ю.С.: Он РАЕН потом стал делать.

В.Х.: Сейчас Кузнецов на его месте.

Ю.С.: Ну вот. Он хотел сделать... Он молодым умер. В общем, он включился.

В.Х.: И как вам удалось превратить это в музей?

Ю.С.: Это потом Яншин как-то, и получилось. Но там потом ситуация была... Короче, первым директором назначили Дынкина из Института литосферы, член-кора. Он быстро умер, он год, что ли, был. От него хотели избавиться, назначили директором музея, он ничего не сделал. А потом уже перестройка, и как бы сотрудники хотели перейти в Министерство культуры. Академия спохватилась и попыталась это удержать. Меня назначили директором. Я был там одиннадцать месяцев. Но я кандидат, а это место для академика. Но я хотел — у меня концепция была — сделать музей ноосферы имени Вернадского. Я знаю, как это сделать, и знал, как это сделать. Предложил. Но я так и не добился на отделении — меня на отделение назначали, — чтобы меня там выслушали. Я понял потом, что мной просто дырку заткнули. В общем, вместо меня Рундквист. Рундквист переехал из Петербурга в Москву, и ему нужно было место. Его сделали директором.

В.Х.: Ну вы молодец, хоть музей сохранили.

Ю.С.: Вот возник музей, да. Но он такой... Жизни там сильной не было. Не важно, все равно спасли, коллекции спасли. Самое главное — коллекции были. А библиотека Павлова практически пропала. Ее перевезли... Она-то была выделенная, когда мы учились. Она была в каталоге, вот библиотека Павлова. Потом уже, к концу, многих книг [не хватало]... Никому не надо было.

Спасибо вам большое за встречу. Очень вдохновляющая встреча, очень интересная беседа.

А как вы с этими деньгами выкручиваетесь — вы какой-то гений!

О своей семье и «золотом веке» геофизики

В.Х.: Я один сейчас: за мной никого. Сын пенсионер, а внук здесь доцентом.

Ю.С.: Он доцент по какой специальности?

В.Х.: По моей специальности.

Ю.С.: По вашей?

В.Х.: Знаете, когда ему было три года или сколько-то, ему впервые буквы начали показывать. И моя книжка, учебник назывался «Электроразведка». Первое, что он прочел, — «Электроразведка». И стал электроразведчиком. *(Смеется.)* Сейчас доцент, кандидат наук. Если бы была возможность — написал бы докторскую. Короче, у меня все-таки устойчивое положение, помереть не скучно.

Ю.С.: А сын кем работает?

В.Х.: Работал он мелиоратором, но стал бизнесом [заниматься]... Его разули, раздели, еле-еле выпустили живым, и он сразу заболел, так и болеет. Сейчас на пенсии.

Ю.С.: Понятно, то есть сына сломали.

В.Х.: Сына сломали. На корню. Хороший ученый был, двадцать лет назад. Работа хорошая.

Ю.С.: В смысле бандиты сломали?

В.Х.: Да-да. Бандиты. А внука я пока держу. Его все время тянули... Он много разъезжает, хорошо знает английский язык, на все конференции его сую. Его везде хватили, пока он был моложе. Сейчас ему уже тридцать четыре, а когда был моложе...

Ю.С.: Ну, ему надо докторскую, может быть, дальше когда-нибудь завкафедрой бы стал...

П.Ю. Пушкарев — внук В.К. Хмелевского.

В.Х.: Во всяком случае, я надеюсь, не закроют докторские когда-нибудь.

Ю.С.: А скажите, само происхождение фамилии Хмелевской? Какие-то польские корни?

В.Х.: Это отчима, отчима. Он перед смертью сказал мне — сколько мне было, одиннадцать лет? — он сказал: «Возьми мою фамилию, и всю жизнь пиши честно, где твой отец». А он был работник НКВД.

Ю.С.: Слушайте, когда вы поступали в МГУ, нужна же анкета была?

В.Х.: Так вот, я везде писал первой строкой: «Отец арестован в таком-то году, по неизвестной мне причине, погиб». И он мне сам продиктовал, этот Хмелевской продиктовал, будучи работником НКВД, когда-то там, в детстве: «Вот так всю жизнь пиши, одни и те же слова». (*Смеется.*)

Ю.С.: Одни и те же слова...

В.Х.: «Никогда не скрывай ничего. Все равно узнают». (*Смеется.*)

Ю.С.: Ну, он знал.

В.Х.: Он знал. И я до сих пор пишу в анкетах...

Ю.С.: А членом партии пришлось быть?

В.Х.: Конечно, парторгом... начальником был, парторгом...

Ю.С.: Парторгом чего? Факультета?

В.Х.: Зампарторга факультета, парторгом кафедры и отделения. Вот как раз, помните, я сказал слово «миллиардер», Миша Рудяк? Был Миша студентом третьего курса. Троечник! Халтурщик! Но такой симпатичный! Такой живчик был! Мимо проходит меня тысяча человек, я... конечно, ничего не соображал, но почему-то запомнил. Вдруг он приезжает после третьего курса, после практики, присылают письмо оттуда ректору: «Этого человека либо исключить из МГУ немедленно, либо мы подаем дело в суд». Оказывается, на практике, на Волге, он подрался из-за какой-то девицы. Кому-то надавал, ему тоже надавали. Пришло письмо ректору. Ректор спустил декану, декан — на кафедру: «Исключить!» Пришло письмо заведующему кафедрой. Не я был, другой заведующий кафедрой. А я парторгом был кафедры, это до «революции», двадцать лет назад. И вот я посмотрел дело... Девчонка, а ребята — местные ребята, «москалей» терпеть не могут, естественно. Девчонку свою повел куда-то, они его отметили. Все правильно, все законно, сдачи дал. Поговорил с ним. И мне надо визу поставить на заявлении об исключении. Я говорю заведующему отделением: «Я писать не буду. Забирайте заявление, я писать не буду. Я считаю, что он правильно сделал». Я сказал заведующему кафедрой, выше я не сообразил сразу. А заведующий кафедрой — декану. И послал в приказ. Я следил, думал, ограничится строгим выговором. (*Смеется.*) Смотрю — проект приказа пошел ректору. Ректор был в отпуске, Садовничий командовал. Проректор, он всегда был ректором фактически. Садовничий Виктор Антонович. Пошло письмо к Садовничему. А я знаю, что он подпишет, раз факультет согласен. Знает геологов, с геологами он дружит. Я побежал к секретарю парткома. А был тогда секретарем парткома Протопопов, секретарь потом райкома Ленинского. Жил он в соседнем корпусе. Профессор МГУ. Он недавно умер, кажется. Что-то я его давно не видел. Короче говоря, он в лицо знал меня. А то, что я парторг... Я записался к нему на прием. «Говорю: так и так, совершается несправедливое дело. Хороший мальчик. То, что он еврей, — начал с этого. (*Смеется.*) То, что он подрался, — это, конечно, плохо. (*Смеется.*) Но мне он очень нравится, хороший парнишка. Ловкий. В экспедиции был в туннеле — в грязь, в холод...» Я его знал тоже как облупленного, честно говоря, из-за таких практик. «Я не подписал заявление. Оно где-то сейчас лежит у ректора, в соседней комнате. Заменим на выговор, строгий выговор». — «Будет сделано». Берет трубку, говорит: «Значит, такой приказ». Приказ подготовлен, с подписью Садовничего. «Принесите мне», — ему тоже надо визировать такие вещи. Он написал: «Заменить на строгий выговор!» С тех пор Садовничий на меня злой. (*Смеется.*)

Федынский двадцать пять лет, с 76-го года, был руководителем всей геофизической службы страны,

Министерства геологии. Зам. члена коллегии и зам. министра. Он, собственно, организовал всю геофизику послевоенную. Я называю это «золотым веком геофизики». С его кончиной в 76-м году, собственно...

Ю.С.: А он где образование получал?

В.Х.: Мехмат МГУ, потом на мехмате читал первые лекции в 28-м году, будучи аспирантом. В 28-м году геофизику читал тогдашнюю, студентам-геофизикам. Тогда первым был Лазарев. Лазарев был очень хорошим физиком, академиком, резко поддерживал геофизику. Такой из истории факт. В 18-м году в МГУ был Ученый совет геофизический. Ученый совет, которого сейчас нет.

Ю.С.: Понятно. А сейчас нет?

В.Х.: Нет, сейчас вообще предметных советов нет. Сейчас только Большой совет. Предметные советы раньше были. Придумали геофизику — придумали Ученый совет. (*Смеется.*) То есть он стоит во главе геофизики России. И вот он когда-то был «золотым веком». Когда все развивалось бурно, первые вычислительные машины у нас были. Причем в 54—55-м году была единственная в России, единственная в мире, в единственном учебном заведении. Военных полно было машин — везде, и у наших, и у Америки. А гражданские были единственные, лучшие машины. Знаете, такие БЭСы, громадные. Так вот, когда открыли Центр, там был академик Тихонов такой, математик известный. Он стал руководителем Центра. А у него хобби — геофизика. Первая моя диссертация, кандидатская, — математика была полностью рассчитана на машинах. Первая — на машинах. Я получил в диссертации сложные формулы. Я Заборовскому говорю: «Ну и что? А как защищаться?» Получились формулы по подземной геофизике, а в это время открылся Центр. Заборовский позвонил Тихонову, говорит: «Слушай, дай какого-нибудь аспирантика, пусть посчитает программу». Дал аспиранта. Тот несколько месяцев посидел, составил программу. А у меня столько фактических материалов! Непросчитанные, необработанные. Сто лет еще считать.

Ю.С.: Понятно...

В.Х.: Естественно, за минуту вводит — вот, рассчитано, на электронно-вычислительной машине.

” У всех глаза на лоб полезли: что такое электронно-вычислительная машина? Как это делать? А я не делал, делал аспирант.

Я написал: «Аспирант Сидоров — программа, расчеты». И с тех пор Вычислительный центр на тридцать процентов работает на геофизику, потому что Тихонов любил геофизику, долго руководил ею. А 54-й год — это первый Вычислительный центр гражданской геологии и геофизики. И моя работа была первая рассчитана, практическая работа. Вот это замечательно.

Ю.С.: Да, это вообще! Сколько держится на людях! Вообще все держится на людях.

В.Х.: Просто попал в такое время... Все восстанавливалось, не все, видимо, как сейчас. Поэтому, может быть...

Ю.С.: Да другой был, короче, настрой.

В.Х.: Про Заборовского, если хотите... Александр Игнатьевич Заборовский. В 18-м году, будучи студентом четвертого курса Петербургского университета, был назначен начальником отряда по изучению Курской магнитной аномалии с помощью магниторазведки.

Ю.С.: То есть с Лазаревым он работал?

В.Х.: Лазарев слишком высоко был, он просто в поле работал. В Гражданскую войну. Вел работы под обстрелом белогвардейцев на Курской магнитной аномалии. Это первые советские геофизические работы. Хотя Курская магнитная аномалия изучалась профессорами МГУ еще в прошлом веке. То есть они открыли ее, а он просто изучал. Итак, 18-й год — начало отечественной российской геофизики, и он

был основателем, руководителем отряда этих съемок магнитных.

На Курской магнитной аномалии создавались все другие методы геофизики, в течение десяти лет. Методы электроразведки, сейсморазведки, магнитной разведки. Короче, это был полигон, идеальный полигон для испытания новой аппаратуры, новых методов. Оттуда пошла геофизика.

Дальше он был деканом геофизического факультета Московского геолого-разведочного института. А в 1944 году открыл кафедру геофизики в МГУ, он был первым заведующим, много лет преподавал и воспитал, провел целую школу геофизиков МГУ, существующую до настоящего времени.

Ю.С.: А как человек...

В.Х.: Он был удивительный человек, удивительно добрый, интеллигентный, колоссального уровня, высочайшего уровня. Любил студентов, лекции читал блестяще. Любил читать лекции. Хобби у него — лекции читать. По болезни лежит он, жил в этом корпусе... Плохо ему, я говорю: «Давайте пойду почитаю. Почитать за вас?» — «Нет, я сам пойду!» Больной, с палочкой, идет, читает лекции. Студенты очень любили его. Он вообще потрясающий ученый, я думаю, старой русской школы профессоров, хотя он был тогда еще сравнительно молод. Во всяком случае, от него пошла вся геофизика.